

Книжная серия
«АВАНГРАНДЫ»

ОЛЬГА ИЛЬНИЦКАЯ

**СГУЩЕНИЕ ЖИЗНИ —
МОЁ РЕМЕСЛО**

СТИХИ

Издательство
Евгения Степанова

2020

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6
И48

Ильницкая О.

И48 СГУЩЕНИЕ ЖИЗНИ — МОЁ РЕМЕСЛО. Стихи —
М.: Издательство Евгения Степанова, 2020 — 140 с.

ISBN 978-5-91865-591-7

Ольга ИЛЬНИЦКАЯ — поэт, литератор, журналист, по образованию историк. Работала учителем, экскурсоводом, научным сотрудником, архивистом, занималась археологией. Более тридцати лет выступает с эссе, рассказами и стихами в различных антологиях, альманахах и журналах. Автор нескольких книг стихов и прозы. Член PEN International, Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века, Конгресса литераторов Украины, Южно-Русского Союза писателей, Национального Союза журналистов Украины, Ассоциации морских журналистов. Лауреат разных премий в номинациях «проза», «стихи», «эссеистика», но самая памятная — Исаака Бабеля, Канада — Украина (Монреаль, 2016).

В новой книге стихов Ольги Ильницкой — жизнь и судьба поэта.

- © Ильницкая О., 2020
- © Жарков С., фото на обложке, 2020
- © Издательство Евгения Степанова, оригинал-макет, верстка, 2020
- © Климов В., название серии, 2015

ВДОЛЬ СВЕТАЩЕЙСЯ ЛИНИИ

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

СЛОВО, КАК СОЛНЦЕ

Это молчание входит в тебя постепенно.
Тени телесны, а сумрака взгляд потаён.
Профили нежные, тонкие профили прежних,
присно терпимых, измеренных звуком времён.
Слово, как солнце, зрачком обожгло и сгустилось.
Слово, как первопроходец и словно
последний живой.

Ветер доносит к нам запах лаванды смиренной
сада вечернего, где расцветает покой.
Тучами хмурится небо, на землю спускаясь,
тучи прольются потерями — нам не постичь.
Мы не сумеем окликнуть и мы не успеем
руку друг другу подать, и ни дня изменить.
Где же теперь эти линии губ, где разломы
слов восхищённых, слетевших с закушенных губ?..
Видишь рождение звука, но слышишь молчанье,
и ощущаешь глубины, и не скрываешь испуг.
Но восхищают грядущие перемены,
что поднимают угрюмыми волнами ввысь,
и насыщают студёные сумерки тьмою,
и поглощают дожди, что давно пролились.

2005

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ВДОЛЬ СВЕТАЩЕЙСЯ ЛИНИИ

Я живу вдоль светящейся линии,
я для всех уже мир невидимый.
Там, где ливень под ноги рушится,
ты — замри. Ты к себе прислушайся.
И очнется давно забытое:
дед, бидон, молоко разлитое.
Мама. Вечер, где ты — ребёнок.
Взгляд встревоженный, удивлённый.
Слышишь, бабушка окликает?
Видишь, лампа сквозь сон мигает...
Это мир, тобою оставленный
прикасается. И настаивает:
вспоминай, вспоминай забытое.
Собирай по капле разлитое.
Пощади свое сердце грешное,
дай надежду ему. Дай Любовь.
И прими в свою душу боль
безутешную.

2003

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ОСИП, Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ

*Надо смерть предупредить. Уснуть.
Я стою у твёрдого порога...*

О. Мандельштам

Заглянув за дверь чулана,
закричу: «О Боже мой!»
Там углан в спецовке старой
всех пугает — у-лю-лю!

.....
Мандельштам лежит на нарах
(Осип, я тебя люблю).

.....
Кров над ним высок и бел.
На виски крошится мел.
А на остром подбородке
чёрный волос поредел

1984

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

КРЫМСКАЯ ПАМЯТЬ

1

М. Я. Гефтеру

Море знобит. Небо давит на горы и годы.
Дышит земля застоявшимся воздухом злым.
Холодом ночь подгорчила целебные воды.
Их, как микстуру, глотает простуженный Крым.
Белого света достанет на всех, кто устал.
Всех, кто в пути отходил и желанья, и ноги.
С каждой петлей симеизской летящей дороги
каменной Кошки* пугающий вижу оскал.
В хищном разломе застыла татарская мышь.
Крымская память — как стены без окон и крыш.

2

Г. Б. Фёдорову

Там, в бухте Херсонеса, туман веков клубится.
В нем память парусов, и пепельные лица,
и колокол глухой, как страж без языка.
В нем обезглавлен храм, но служба вечно длится...
Чтоб греческий туман, горча густел и лился,
на чернь чеканных волн, на жёлтый сахар скал,
и чтоб усталый пульс опять, как прежде, бился,
а город, словно путник, раскинув руки спал,
там вечность смотрит в нас. И молча ждут века.
А мы копаем вглубь. И смотрим в облака.

1986

* Кошка — гора у Симеиза.

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

РАКИ

Я с детства знаю — раки
живут не под корягою в реке,
а в нашей ванне.
Ловят их кастрюлей
и говорят при этом:
«Враки, враки, что раки
живут в реке».
Я твёрдо помню: чистота и кафель —
черты устойчивой семейной жизни.
Я не умею жить. Мне столько лет,
что я давно могла б служить завхозом,
а не работать в школе историчкой.
Мой дед был милицейским генералом.
Он говорил: «Не главное — еда.
Была б душа. Всё остальное будет».
Мой холодильник пуст. И чист, как ванна.
Скажу я детям: «Главное, душа
была б чиста, как чист наш холодильник».
А что же раки? Съели деда раки.

1986

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ПОХОЖА НА ЛЮБОВЬ

Я стала путником чужих высот,
поверила, что высота спасет
от сорванных засовов и ворот
распахнутых, но ошибался тот,
кто мне внушил надежду на победу.
В разбеге подворотен вижу страх,
на светлой колокольне — тлен и прах
и звонаря, зовущего к побегу.

Нет, не полёт слоистых облаков
и не озноб октябрьских листопадов,
а старой страсти новый поворот
предчувствую, и таинством дышу,
настоянным на зерни русской речи:
о, суеверное предошущенье встречи
с тем, о котором помню и молчу
под куполом, где случай гасит свечи.

Действительность похожа на любовь —
растёт печаль, перерастая боль
рождения свободы и отваги.
Здесь прадеды склоняли долу стяги,
здесь мать молчит, и здесь горит звезда
над местом горним, на священной плахе,
где Иоанна никнет голова
к суровой окровавленной рубахе.

1993

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

РУСЬ

Она проходит скованной походкой.
Рот у неё тоскующий и сладкий.
Ей смотрят вслед солдаты и солдатки.
Она не замечает никого.
Она знавала царственные губы,
но царь убит, всё сгнуло, и вот —
толпы распахнут миллионный рот:
площадный гул, размёт полотниц грубых,
распад времён и пасмурный народ.
Послушайте! Ещё одно мгновенье,
пока она касается ступеней
и повторяет слабые слова:
«Отечество болит. Рассыпан бисер,
разбиты губы. Я опять одна.
Господь нанижет бисер и покинет
наш бедный мир. Он жалкий мир простит.
Вот он возносится... Вот он уже летит...».

1994

Ольга Ильницкая

сущение жизни — моё ремесло

СТОЛИЦА

У Москвы душа расщеплена.
У столицы жизнь на износ.
Где Блаженный пел — тишина.
А где царский трон — там погост.
Колокольный озноб от Кремля плывёт.
На окраинах бьют набат.
И на всякий град глад и мор идёт.
И на брата поднялся брат.

2014

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

НАКАНУНЕ

Сто лет подряд и тысячи веков
росло державы каменное тело.
В нем сердце, обрываясь, холодело,
не узнавая первозданных слов.

На площадях безумеет людье.
По переулкам ходят душегубы.
И бронетранспортёра выхлоп грубый
врачует жизнь верней, чем мумиё.

Под пятернёй правительственной длани
не покачнутся стены вечных зданий,
вместилища пороков и надежд.
Война уснет. Её приспит мятеж.

И воровская шайка облегчённо
поднимет флаг над горизонтом, чёрным
от дыма завоёванных высот.
И всех нас от гибели... спасёт.

11 августа 1991

Ольга Ильницкая

стужение жизни — моё ремесло

С ЧУВСТВОМ БЕЗДНЫ

Буки. Буковки. Картинка: и смущенье, и вина
перед белым океаном, где ни берега, ни дна.
Образ образ нагоняет, волны красны и вольны
захлестнуть и откатиться к чувству бездны
и войны.

Птицерыба ходит чинно, горизонтами шурша,
и пробоины латает удивлённая душа.
Голубая чудо-рыба, птице-фениксу родня,
не коси крыла курсивом, словно глазом, на меня.
Не моги, не приближайся к первозданному листу
сумасшедшего паренья с чувством бездны на весу.

1992

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ГОРНЯЯ ПЕЧАЛЬ

Холодно, холодно мне. Пропасть зим.
Это к морозу крутому плача взрыв.
Словно историй нарыв — из глубины времён,
я возвращений жду каждого в свой район,
где места миру нет, нет — красоте.
Рядом — не узнан никто, ибо — не те.
Ответишь ли, что за стих, и почему звук стих?
Кто запустил движок того, кто стирает блог,
книгами кормит костры, лезвия чьи остры?
И по кому рыдал маленький детский бог?
Это за что в висок ввинчен земной виток?
Всё. Ничего не жаль, было — прошло.
Это небес скрижаль — перекорёжило.
Что я смогу сказать — рот закушен навек.
Дольше побудь живым, тёплый ко мне человек.
Здесь, высоко в снегах — благостно и светло.
Здесь претворяют прах в чистое вещество.
Слушаю день и ночь голос людских щедрот.
Как я скажу про то, что поняла не вдруг:
не передаст никто свой спасательный круг.
Не продышать, нет сил — в светлое завтра окно.
Ведь не увидеть свет, если в глазах темно.
Как не коснуться листа, если бежит строка.
Если уста к словам, что к поводку рука.
Память дана тому, кто опрокинуть смог
мир в себе и войну — в холода млечный слог.
А разжавши уста, кто кому повелит?
Произнесёт не всяк: «Всякого Бог хранит».

2009

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ТЫ ВОВРЕМЯ МЕНЯ ОКЛИКНИ

К. Ильницкому

Ты вовремя меня оклики.
Я обернусь вполоборота.
Мы друг для друга непреложны.
Но только порознь мы живём.

И если утром ты со мною,
и если в полдень мы друг другу
настойчиво рекомендуем
на завтра дел не оставлять,

то к вечеру задуем ветер,
а в полночь грянет гром полночный,
браниться будем до рассвета
и жизнь как шкаф переставлять.

Мы всё в квартире передвинем.
Мы порознь выйдем на работу.
Но непременно возвратимся
в дом, где мы вместе не живём.

Ты вовремя меня окликнешь.
Я обернусь вполоборота.
Мы друг для друга непреложны.
Все прочее — переживём.

1983

ОПЯТЬ ИДУТ СТИХИ,
КАК ЭШЕЛОН ИЗ ПРОШЛОГО

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ПОЭТ

Ю. Михайлику

В том доме, где отсутствует хозяин,
в том самом доме, где давно не спят,
в том свете лампы, где кружат ночами
созвучия и бабочки летят
(куда? — не закудыкивай дорогу!
— куда летят? — на круг и дальше, в свет...),
в том месте, где нас не было, и нет,
он пишет. Он талантливый безбожно.
Он сам как Бог. Он цвет с ладони Божьей.
Он путаник и вечный второгодник,
мальчишка, что на жёрдочке сидит
и помнит всё, что только предстоит.

1985

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ЗА ЯНВАРЁМ ИЮЛЬ

Уже который год вся жизнь наоборот:
за январём — июль, и ночь после рассвета.
А там, где первым вдохом будило птицу лето,
ни травы не встают, ни рыба не плавёт.

Уже который год у русского поэта
сначала жизнь пройдёт, потом стихи про это.
Лишь после жизни — том, о жизни и о том,
как больно жить поэтом и бодро петь при этом.

1980

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ЧТО НАСВИСТЫВАЕШЬ, ПРОЩАЛЬНИК?

*За такую одесситку
на пять лет пойдёшь в отсидку?*

Николай Голь

Уходя, закрывая дверь,
что насвистываешь,
прощальник?
С кем прощаешься, что прощаешь,
по кому, уходя, вздыхаешь,
что глаголешь себе под нос?
Не допёр судьбу, не донёс
до того, чтоб серпом да по яйцам,
тоже мне жнивец — словокос.
Богу — боговить.
Кесарю — кесарить.
А пииту — гирю пилить.
Осмотрительней, брат, пить.
Жесть!
Глагольными рифмами сдуру
актуальную литературу
в одночасье однажды
сжечь.
Ну а если всерьёз — то лучше
навсегда замолчи, чтоб круче!
Не пиши.
Сам себя замочи!
А не то, «как по минному полю»,
вдруг напомнят, смещая роли...
И слова твои — своеволием
словно камушки булькнут в Лету:
Было — нету.

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

Лишь ноли по воде, лишь круги.
Ну, решайся! Слова обнули.
Я привычно, как нерпа чукотская,
в прибаутку поверю чухонскую —
на болоте, что выпь, вольно выть.
Не в Шатуре — я в Питер пожалую.
Ничего ни с кем не обжалую.
С Колей Голем за жизнь стану пить.
Николай мне скажет:
«О кей. Не пиши. Наливай. Не жалеи!».

2005

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ПОСТИЖЕНИЕ

Руки распахнуты.

Губы сжаты.

Это волна, меня подхватив,
тащит в глубины небесного моря,
словно Иону кит проглотил.

Это моя душа, Господи Боже,
светом летит в глубину бытия.

Где же мы встретимся, мой любимый,
если в глубинах — лишь тайна и я?

Тайна, в которой лучом я скольжу,
словно глагол — русской речи служу.

2007

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

В ЗНАК УТРАТЫ

Вне почерка, вне даты,
не ведая, зачем земле цветы,
не веря чувству мести,
а расплаты не помня,
и не зная, жив ли ты,
я говорю — поля покрыты снегом,
я говорю — весной поют ручьи.
Ты слышишь? Там, где завершает небо
свой бег от нас, там дышит Он.
Но ты...
Мы шли втроём по белому безмолвью.
Туда где зори гаснут и молчат.
Где свет звезды, что предрекла нам горе.
А на рассвете горлинки кричат.
И солнце будит город за горою,
не обещая счастья и покоя.
Но обещая — в рост пойдёт апрель.
И то, что было, оглянись — теперь
живет опять и дышит вдохновенно.
И в том любовь. И смерть.
Попеременно.

2006

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ПРЕВЫШЕНИЕ МОЛЧАНИЯ

Одессе

Никто не играет по правилам
на тонущем корабле.
Всякий свое долдонит.
Каждый галдеть горазд.
Последний корабль утонет,
когда распадётся гроза.
Лезвие оверкиля небо вспорет
и сразу —
рухнет ливень на город,
в море смывая заразу
накиси площадей, залитых
керосином.
Знаешь, горит горячей,
если смочить резину
заревом из бутылки,
детской налитой рукой.
Маленькая —
ты видела смертный этот покой
на Куликовом видео?
Нет ничего сплошной
обугленных взглядов родителей
на пустоту полей
города, ставшего пашней
смерти, второго мая.
Маяться всем убиенным
без покаяния праведного.
Жизнью казнён убийца,
вор,
погоняющий вора?

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

Не городите сочувственно
кощунственного позора.
Стонет Одесса в горе
над преданными...
Горит.
Снится городу неба
безжалостного
магнит.

3. 05. 2014

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

УЧИТЕЛЬ, ЗНАЮ

А. Зиновьеву

Учитель, знаю ужас страсти, я помню мглу.
Сорву с себя лицо, как платье, в упор солгу.
Но убегу к тому, кто жёстче, чем жуткий сон,
в котором врёт, что безупречен, что не влюблён.
В котором, чуткий и любимый, колдует тишину.
В которой вовсе не со мною идёт ко дну.
Над головой — который вал гремят грома...
Учитель! Рушатся миры, горят дома.

Зачем на дальнем берегу рубили сад?
Зачем мы ехали в Москву — «тому назад»...
Стоит теперь сплошная мгла и жуткий стон,
В котором сумасшедш и юн, кудряв, влюблён...
Теперь я знаю о любви на все века.
Но холоднее с каждым днём в руке рука.
И сотни жен, и сто мужей нам скажут — да,
и мы ответим всякий раз: «На все года»!

А сквозь века бежит река имён и лиц.
Ты всякий раз повержен в прах, ты падал ниц.
И я влюблялась навсегда, и прочь плыла...
Тела знавали много рук и жадных губ —
но что любовь, когда всегда все губы лгут.
И где надежда на судьбу, в которой лишь один,
и ты — ему во всем, всегда, до гробовых седин.
В нас замурован светлый Бог и корчится внутри.

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

А ты... читая этот крик, — за слогом слог сотри!
Я ненавижу «этих тем» литературных дам,
я за любовь... собаку съем, зашью кетгутом рот.
Твои стихи все перевру, читая вброд.
Пусть буду страшно умирать — «смотреть глаза»*.
Я помню, что не раз была — там, где нельзя.
Но я молю — Учитель мой, ещё побудь со мной —
ещё душа моя поет, ещё надежду ждёт.

Я знаю: старость — перспектива на вечный рай.
И кто сказал, что смерти нет? Зри, выбирай!
Смерть — перспектива возвращений тому назад,
в Тьмутаракань, где погребушки в шкафах дрожат.
Я час не прозеваю свой и всех тебе отдам.
За что ты путаешь меня и светских дам?
Здесь каждый трепетом наполнен, и гол, и бос.
И каждый с твёрдостью зерна гранит пророс.

И не одна явилась я из дальних мест.
Я не одна кричу о том, как тяжек крест.
Что вера — чудо глубины живой воды,
не утонув — не избежать любви, судьбы, войны.

2013

* О. Томашевский

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ПОГОВОРИМ ПО-РУССКИ

1

...Ты так читал, как будто ангел...
...Чертил чертилкой по доске...
...Кричала чайка и от крика...
...Взорвались крабы на песке...
...А я врывалась в глубину...
...Твой взгляд ломая линзой моря...
...Ты прочитал меня. ...Неволя...
...Ты понимал, что утону...
...Так тайна начиналась...
...Йодом пропахли руки и коса...
...А утром до восхода солнца...
...На щеки выпала роса...
...Ты слизывал её, ты плакал...
...Я улыбалась, не дыша...
...Береговая полоса...
...Оранжевым очнулась маком...
...И стала степью черноморской...
...А ты, как сумрак, нелюдим...
...За нас молился сын в Загорске...
...И Ты стал ...ангелом... храним...
...И я лежала на песке...
...С чертилкой ангельской в виске...

2

— Я отдаю себя, а не даю уроки.
Ты говоришь:
— Поедем водку пить,
с тобой давно пора поговорить.
А я в ответ:
— Дойдем до перекрёстка!

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

Ты хочешь быть?
И я хочу — струиться.
Давай, смеясь, по-русски говорить,
Чтоб не кричали со слезою:
— Горько!
— Ты лишь полёт, ты лишь прикосновенье...
Достаточно ли быть самим собою?
— Себя дарить и слов не понимать?
И трогать жизнь игрушечной рукою?
Но ты суров:
— Я только наблюдаю.

3

...Над Мёртвым морем
алая звезда
смеясь, восходит.
Ангелы сгорают.
Свистят предсмертно,
Взглядами скользят
по нашим лицам,
словно текст читают
на ангельском.
На идиш, на иврите.
Высвистывая:
— На каком молчите?
По-русски мы молчим.
И ты,
и я.
И Русью пахнут
мёртвые моря.

2003

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ЮБИНАЛЬНОЕ

Как грех безмятежно время.
А все вокруг дураки.
И это живучее племя
крепкой хочет руки.
А время в ответ плюётся
пламенем адской печи:
если совсем неймётся —
Сталину покричи.
И ходят кричат идиоты,
в теплых подштанниках.
А жизнь — сплошняком цейтноты,
и тапки без задников.
Сволочи тычут ксивой,
во всё сплошной недоюг,
поэт, мол, а спит с некрасивой,
а красивых критик е*...бьёт.
Шёпотом скажем, тихо,
а не поможет, нет.
Берия подкрадется.
Вытащит партбилет.
Поэт апстенку убьётся.
Читающий рассмеётся.
Откроет министру секрет —
про дурака и дуру,
дрочащих литературу.
И побежит в горсовет.
Сам главный начальник
отважно ему головой кивнёт,
на юбинале укажет.
Координатор вздохнёт.

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

А если проснуться за полночь,
иль не ложиться ваще —
кушать захочется очень,
но вязнет перо в борще.
Строчку за строчкой вяжет
жирною глубиной.
Господи боже,
«правильный Сталин»
снова следит за мной.
Берия крутит уши.
И по портрету вождя
ползают бляхи-мухи,
зная, что так нельзя.
А с выступлений бьеннале
благую доносят весть:
пока что в литературе
хороших поэтов — есть.
Не служащих масскультуры.
Не пишущих макулатуры.

2000

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

МАМЕ

Я детства светлого приметы
в портфеле бережно храню.
На грамотах усатые портреты
день будущий грозит предать огню.

Он очистительно пройдёт из дома в дом.
Который год балуем с петухом...

Мне платья школьные портниха шила
из прокурорского сукна.
А мать всю жизнь мундир носила.
И тяжести его была верна.

1988

Ольга Ильницкая

стужение жизни — моё ремесло

НЕ БУДЬ Я АНГЕЛОМ

Не будь я ангелом,
уставшим от продажи
своих самосветящихся и белых,
не стань я таинством
с гусиным зябким телом
под острым током
перезревших лапок
и триединым в отпечатке знаком
на вечнозёме
царственном и диком,
насквозь прогрызенном
настырными кротоми,
я пела б в молчаливом божьем хоре
о племени, стучащем в барабаны,
примеривая тело богоборца,
я б диктовала волю полководцам
и ласковым привязчивым поэтам.
И не была бы ангелом при этом.

2001

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ПОПЕРЁК ЛИСТОПАДА

Поперёк листопада ложится мой путь,
вдоль гусяного, мелкого ломкого шага.
Если был кто со мною — отстал отдохнуть,
если шёл параллельно — то так ему надо:
обомлеть, столбенея от истин сквозных,
обалдеть от роскошного лисьего взгляда.
Подойду и скажу: параллельность прямых
листопадом нарушена — значит, так надо.
Значит, ты потрудись обнаружить во мне
глубину зачинанья строки непреложной.
И меня оттолкни, отпусти, отомсти
теплотой за обманчивость ясности сложной.
Будем живы — и вновь разбежимся поврозь
листопад разгребать, шелестя и рифмуя
небо с морем; и в небе с волною колдуя,
ощутим глубину. И, волнуясь, глотнём
эту истину — лживую, горькую, злую.

1990

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

КТО ЖЕ СПРАВИТСЯ С ЭТОЙ СТРАНОЙ

*к 40-летию романа А. Зиновьева
«Зияющие высоты»*

1

Выживает мой друг, выживает.
Он читает и ходит в кино,
во дворе с алкашами базлает
и стучит по мозгам домино.
Он привычке отдался любимой,
он в пикете завис, он бухой,
он вещает в свободном эфире,
и уже не вернётся домой.
Говорит, что обрыдла эпоха,
что гейропе пора на погост,
что знаком с предстоящим Мессией,
потому что сгорел в Холокост
его дедушка. Что вертухайкой
зачала его бедная мать,
не до жиру теперь, а чтоб живу —
б*я, не гроб же, простите, ипать*.

2

Даже если всё дышит на ладан,
не спеши это вслух рассказать,
потому – доберётся Бен Ладен
радость жизни у всех отобрать.
Хочешь знать, кто есть главный разлучник,
утром бороду сбрей навсегда.
Щурь глаза, поперхнувшийся лучник,
померанчево светит звезда.

* ипать — основное дело жителей города Ибанска
из страны Зияющих высот

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

Старой площади ответ кровав.
И слетелись орлы голубые
На рубиновый хищный оскал.
На Отчизны часы заводные.
Всякий раз, выходя на дорогу
и глаза поднимая на Кремль,
звёзды ценишь, угодные Богу,
и сбрываешь, как бороду, день.
Сам, служивою синею птицей,
в дверь свою беспощадно стучишь,
чтоб испуганно дрогнули губы,
заскреблася за пазухой мышь.
Для чего это всё? Ты прибудешь
с мышеловкой на правой боке,
и вдове своей впаривать будешь
помидоры в спиртовом саке...

3

Вот приснится такая х*йня,
у святого застыну огня,
над лампадой рукой поведу,
отгоняя озноб и беду.
И как девочка вспыхнув, проникнусь
и поверю, и страстной прикинусь,
шуганусь от родного крыльца...
Светофору светить до конца
жёлтым, жёлтым, пока не сморгнёт
и на алый глазок повернёт.
...Будет долго стоять надо мной
словно ель, голубой постовой.
Под горячей багровой звездой
кто же справится с этой страной?..

2016

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ОПЯТЬ СТИХИ ИДУТ

Опять стихи идут, как эшелон
из прошлого — военного, скупого,
вновь мама ждёт отца с реки, улова
к обеду ждёт. И варится рассол
для огурцов с небритыми щеками.
Сижу-гляжу и думаю о маме,
и слёзы, как горох, стучат об стол.
Моя весна еще так далеко:
мне девять лет, смешлива, угловата.
Мой папа принесёт в ведре улов!
Он радугу прибьет гвоздём над хатой!
И скажет бабушка, прикрыв глаза рукой:
— Спасибо, сын! Какой улов богатый.

2004

КРОША СЕРЕБРИСТЫЙ РАЙ

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

АРБАТСКИЙ КОСЯК

1

Форель разбивает лёд.
Замри, голубой народ.
Ручьи скрывая в глазах,
апрель качается в слезах.
И гибкие речки вспять
уйдут холодать и спать.
Назад и вперёд снует
форель, разбивая лед.
Не спит, приближает февраль,
кроша серебристый рай.

2

Ходят рыбы по Арбату
плавниками шевеля.
И угрюмы, и горбаты,
и за жаброй ни шмеля.
Лупоглазы и бельмисты,
чешуя в монистах.
Рты у них отвислы,
а тела волнисты.
Извивается народец
льдист и льёдист.

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

3

Примираясь с разливом
градусов под сорок.
Пахнет небо жаром
ртов, утроб, духовок.
Смерть свистит тихонько.
Жизнь скворчит.
Рыба плоскогрудо
в жирном кляре спит.

2002

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ПОКА ДУША В НЕВЕДОМОМ ПАРИТ

1

Если скажу, что жизнь всегда права,
останови спокойным взглядом.
Но ты не здесь, где шелестит трава,
и я не там, где «вместе» или «рядом».
Я далеко. Здесь очень злые ветры.
Ты ещё дальше. Связывают метры
пространство, где служу...
Былых служивых — рать.
А у тебя просторов километры.
Нам смысла нет цифирь соизмерять.

Кто ты, что охранять меня посмел —
как будто я просила одолженья.
Пообещал развеивать сомненья.
Пообещал беречь мои права.
О чём и кто? На что мне снисхождение
того, кого не вижу и не жду?
Прости, мой враг, пишу без сожаленья.
Пространству, не простору я служу.
И не прошу у смерти снисхожденья.

2

Пока душа в неведомом парит —
лежишь и стынешь. Тьма шершава.
И колокол сконфуженно звонит,
за горизонт не дотянув октаву.
...Что, хорошо ль? — во сне и наяву,
как в домовине!.. жаловаться дню.

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

Что, страшно падать вверх до рубежа,
где жар и свет — и есть жива душа?
Где всё пожар!
Где только и прохлады
мороз вопроса: «Господи, ужель?».
А на рассвете, постучавши в дверь,
душа из полымя смущенно, неумело,
в щеку, словно в подушку, жарко ткнувшись,
тебя окстит, чтобы восстал, очнувшись.

3

Но я люблю. Теряя с каждым днём
мгновения, что не прожить вдвоём...

2010

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ПОСЛУШАЙ, МОСКВА

Г. Павловскому

Послушай, Москва, в твоём зимнем затворе,
в колючей позёмке — одесское море,
и пряность бульваров, акаций озноб,
Соборная площадь, ракушечный грот.
Зевки пароходных прощальных гудков,
и оторопь чаек от рыбных лотков
на «Новом базаре», на старом «Привоze».
Столица — я вся — поцелуй на морозе!

Ты помнишь мои ослабевшие руки,
когда, зажимая искусанный рот,
я молча кричала в бутырский сугроб —
а мне отвечал восьмилённый народ...
Шёл снег. Бинтовал застаревшие раны.
Ещё о тепле говорить было рано.
Грядел на дворе осемнадцатый год...
Поправь меня, милый, был восьмидесятый.
Потом ещё долгих два года брели
по темной брусчатке на площади Красной
распутной, служивой и строгой страны.
Был страшен майор, что ключами гремел,
к тебе пропуская в тюремный придел.
Увядший цветок на рубиновом снеге
навязчиво лгал о возможном побеге...
Что мне до великой беды на дворе,
когда ты меня разлучала с любимым,
Москва, сумасшедшая спящая дива,
забытая, словно молитва в Кремле.

Ольга Ильницкая
сгущение жизни — моё ремесло

Простые слова повторить не боюсь,
пусть с ритма и рифмы, как школьник, собьюсь:
«Сын и муж, вот и вся Россия.
Вешки — вежи, кресты косые».

1999

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ИЗ ГЛУБИНЫ СОМНЕНИЙ

Ещё печаль твоя меня тревожит.
Ещё плечами ощущаю тяжесть.
Из глубины сомнений говорю —
я помню всё. И я ещё люблю
разлёт мостов утраченного града,
холмы его остывших куполов.
Пока дрожит струна сердечной боли,
покуда не разрушена столица,
ещё последний сон прощально снится.
Но из углов уже ползут уродцы
и примеряют человечьи лица —
чтоб строились на площадях народы,
засовы отворяют на темницах.
Они от нас почти неотличимы,
не холодны их мёртвые личины.
Да, я молчу две тысячи веков
прижавшись сердцем к сердцу облаков,
и падаю дождями вам под ноги,
и детскими вам говорю губами
что смерть красна.
А жизнь, как смерть, опасна.
Но быть прекрасно.
И любить прекрасно.
Ещё душою корчусь от обиды.
Из глубины сомнений говорю.
Ещё люблю. Ещё пока люблю.

2007

Ольга Ильницкая

сущение жизни — моё ремесло

А Я ВЫБИРАЮ РОССИЮ

А. Политковской

А я выбираю Россию —
из тысячи тысяч побед.
Поражений вехи косые.
Ожиданье разлуки и бед.
Огромна. Больная, как совесть.
Святая, как отчий дом.
Зачем домовиной в полмира
окружила со всех сторон
собратьев по вере и боли?
И песням, не спетым уже...
Какою неправедной долей
одаришь на вираже
своих скоростей невозможных,
возможных обвалов и бед?
Какую напишешь вновь повесть,
«Временных» или временных лет?
И вскроешь какие пороки?
А тайны засветишь потом,
когда обещаешь надежды
пройдёшься, как острым серпом.
Но я выбираю Россию.
Беспутство её дорог.
По ним прошли люди лихие.
И ушёл удивлённый Бог.

2007

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

НАД ТАЙНАМИ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ

В мерцании бессонного Беслана
все стрелки сдвинулись.
Планеты застыли в ожидании конца.
События, как солнечные знаки,
блестят на оперении птенца,
созревшего гнездо Земли покинуть.

Когда споёшь на грани междуречий
горы, долины, сердца половины,
и половины разума,
то чья очнулась речь?

В ней шорох кипарисов,
и штрих пера свободного писца,
подковы взлёт,
предсмертный вздох отца.

Я знаю голос времени в разбеге.
И чую смрад, растущий из глубин.
То говорит со мною третий Рим
окраиной моей больной отчизны:

Молдова, Украина, Беларусь,
и Казахстан, и Грузия,
и дале — Союз, исчезнувший
со всех сторон медали.

Я — был птенец:
был ужасом томим.
Молчу с рассветом гор,
морей, равнин.

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

В горячей точке Крым набухнет жаром:
здесь точка сборки. Здесь лежу распятым
размахом крыл.

И в чем я виноват о, Боже правый,
я оказался хрупкой переправой
из Мира — в мир. Я чучело орла?

Смердит четвёртый Рим.
Европа, глядя в небеса России,
Америку откроет и умрёт.
Жизнь только «соль-до-ля»,
жизнь лишь напоминанье,
что сила птицы в умерших птенцах.
О, вот они взлетают, вот поют —
над тайнами побед и поражений.

Пока Америка с Европою бранятся,
пока Восток травкою вышивает
свои знамёна,
Россия поминает наше завтра.
Крым греет горы, чтоб упали
шапки седых веков,
и головы склонились
над мёртвыми парадами планет
Кавказии, Днестровии, Сибири.

Я взмахом крыл соединила
смерть с рождением,
дань красному лучу.
Вдыхаю небо.
В детских снах лечу.
Беслан и Кремль,
как смертью смерть — лечу.

2005

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ПРОСТО И БЕСКОНЕЧНО

Он, в тесноте растущий поминутно,
жив, как в горе за дышащей стеной
кристалл пульсирующий:
оборотень твой, сосущий кулачок...
Он есть, он здесь, он знает мой живот,
он в нём живёт! Ест кровь мою, волнуя...
Он помнит всё, чем мучусь и живу я.
Твой беспощадный. Драгоценный мой.
Он сердце сердцем к слову поджигает:
чем больше он растёт, тем больше я внимаю.
Он девять месяцев меня на части рвёт.
И ничего про боль не понимает.

О, что за мука Домом быть.
Быть входом...
О, что за счастье —
чувствовать: он спит,
до времени меня оберегая.

Но царственен и дик его разбег —
вот он срывается, ломая губ изгиб,
и бедер лезвия круглятся, словно пальцы,
и ткань измученную схватывают пальцы,
похожие на острых червячков.

Он криком чутко пробует пространство.
На ощупь пробует, движеньем нарушая
подвижный коридор моих молений:
«Вернись, беглец, вернись в мои колени»!
Но, схвачен намертво рукою акушёра,
он пленником танцующим, как все,
приговорённый к жизни на кресте.

Ольга Ильницкая

стужение жизни — моё ремесло

Прощай, мой мальчик.
Мир воздаст судьбою.
Господь с тобой.
Как я была с тобою.

Мать отделяют от Дитя и... жизни.
Отец ждёт Сына,
чтоб вручить Отчизне.
Отчизна ждёт младенца —
чтобы съесть.
И в этом истина и счастье есть.

2002

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ПОСЕЕШЬ СМЕРТЬ — ВОСХОДИТ ЖИЗНЬ

А. Карпенко

Посеешь смерть — восходит жизнь
на свет из самой гущи грязи.
Всем животом желаю в князи!
По праву нрава. Зову крови.
...А пуще нет у нас неволи
в больном отечестве, чем жить
у памяти в крутой горсти
и поперек себя расти.
Что отступить не дало
от красноглинных, чернозёмных,
костьми усеянных земель,
и от отцовских вечных правил,
и от отцовских деревень,
где пересчитан каждый всход,
где каждый всякому татарин,
нет, хуже чем. Но без господ!
И оступиться не давало,
и делать правду под отчёт.
А для неправд — отдельный счёт
давно прабабка завещала.
Мой дед украл её в Кабуле,
и вот праправнуков обули
в кирзу. И лучше не могли!
Но жмут мальчишкам сапоги.
И матери из года в год
повестки ждут. И множат род.
И нянчат страх, до скорбных дней,
над орденами сыновей.

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

Рос крест у деда в огороде:
двадцать второй и тридцать третий,
сорок седьмой, и вот окрест
уже крестов голодных лес
о каждом годе.

Ответь мне, кто-нибудь, скажи,
как дорасти до той межи,
до рубежа, чтоб отделил
надежду от живых могил.
Чтоб смысл из памяти пророс,
из самой гущи вязких глин,
из темных родовых глубин:
чтоб от рожденья — не в рабы.
От пуповины — не в гробы.

1986

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ДРУГИХ БЫ НЕ ЗАБЫТЬ

1

Не криком кричать,
не плачем рыдать,
а молча жить,
как живут соседи:
рожать. Любить.
А за полночь взглядом
холсты белить.
Холст первый —
дорога от двери и дальше.
Холст дальше —
дорога до Киев-града.
А ещё дальше и белить не надо.
День-деньской ждать okazji,
да слова теревить,
бахрому обрывать.
О себе забывать

2

Забывать себя.
Других бы не забыть.
Но вот отшибло память, память, память...
Как пауки из брюшка тянут нить,
по затемнённым шепчутся углам,
так женщины, что жизнь оберегают,
всё смотрят ниоткуда, всё глядят,
как голубеют щеки у ребят
и бреются подростские мужчины.
Как крылья режутся у голубят.
Как голубятни, строясь в долгий ряд,
внезапно превращаются в руины.

1986

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ЕДИНСТВО

*...Склоняли долго мы главы
Под покровительством Варшавы,
Под самовластием Москвы.
Но независимой державой
Украине быть уже пора...*

А. С. Пушкин «Полтава».

1

Как в чешуе горячей, Киев
в лучах рассветов и закатов
плывёт, чтобы уплыть однажды
на юго-запад.

В Днепра обжитых, тёплых чашах,
в обугленных его глубинах
неравномерно бьётся сердце
Владимира.

С востока свет идёт неверный
походкой торопливой девы,
ведёт дорогу за рубеж,
чтобы, преодолев пределы
Отечества, познав покой
Литвы лукавой и Варшавы,
вновь повернув домой, к востоку,
младенца выплеснуть в Подол.

Свободный Киев, полюби
прекрасную, как жизнь, Европу!

Но в чешуе горящий Киев,
как воин гордый, с кровью рыбьей,
не принял дара — дочки русой.
Он вдруг заголосил по-русски.

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

И вот над Киевом залятье —
с мечом, в блестящем рыбьем платье,
застыла баба над рекой
с литою поднятой рукой.

И под пятой застыл Владимир,
и княжий город под пятой.

Память наче дощ та сонце,
я то плачу, то смеюсь,
бо під серцем моїм бється
моя Киевская Русь!

2

Ладонь у долоню,
долоню в ладонь.
Переклик чистых «до».
Единство дум, братерство мов
скрізь соль и сіль — в одно.
Мій тато родом из-под Брянска,
а ненька — з степу, з-понад моря.
Я росіянка. Я ніколи
там не була, откуда корнем
меня питаєт мой язык.
Мій голос сизмальства привик
звучать среди дерев других,
де не берези — де каштани
біля дніпровських сивих круч.
Я дочь країни вільной, мамо?
Я русским именем зовусь.
Яке це щастя — роздвоившись,
помножитись серед своїх:
пісні чарівні України,
возвышенный России стих.

1985

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ОТПУСКНОЕ

Татьяне Букиной

О, европейский вариант
недели отпускной —
кораблик, Которский залив,
июльский пряный зной...
А за спиной моя страна
сжимает мир до точки,
сжигает холодом виски,
войною вяжет строчки.
А за спиной беды разлом,
кремлёвский полигон,
где так похож на обелиск
донецкий террикон.
...Моя усталая родня,
здесь прожили уже три дня:
ни взрывов — ни пожара.
И боинги над нами —
как чайки над волнами.
И над горой рассвета тишь.
А под горой кораллы крыш,
и южный веет ветер.
И Воскресенья Свет.

2014

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

СЕКРЕТ РУСАЛКИ

Над голым пляжем протянулись
и невода, и провода,
и электрические лужи горят,
не ведая стыда.

Здесь совершенно невесомы
коньки морские.

Но чистят перья ледяные
рыбы стальные.

Тебе будет трудно обнять меня.

Если успеешь догнать.

Я смогу быстро бежать, и когда
ветер очнётся, и с неба вода
брызнет внезапно, я острою рыбой
врежусь в твои невода...

Ты мой рыбак, успокоенный ночью.

Свет мой внезапный в крошечном дыму.

Тёмный пожар, разъедающий очи.

Если догонишь — я обману.

Стану русалкой на скалах слепых.

Чёрной жемчужиной в тайных объятьях.

Ты мне подаришь вино и распятые.

Я развяжу войну.

Жизнь не прольётся из рыбьего брюха.

Жабры не высохнут до октября —
зло и отчаянно брошенный мальчик,
преданный зря.

Если остынут жестокие губы,
если заучено слово навек,
выйди навстречу, как море чужое —
ты. Не чужой человек.

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

Время развеет капризные тучи,
выпростав руку из рукава.
Мы разломаем горячие пальцы
и оборвём провода...
Мягкий рассвет подкрадётся внезапно.
Свет электрический нас не найдёт.
Чем ты повяжешь, когда на рассвете
солнце рассвет разольёт?

Луж электрический сух прибой.
Всё, что случилось со мной и тобой,
станет слезами русалки.
Слоёной солёной морскою водой.

2017

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

Я ЧИТАЮ ТЕБЯ И СЕБЯ

*Слово «возраст», конечно, женского рода.
Как и «зеркало».*

Владлен Дозорцев

Я читаю тебя и себя не в первый раз.
Голубого сухого льда не пугает пламя.
Я согласна глотать эту злую словесную вязь.
Отрастающие волосы нести, как знамя.
Только что я могу в нашем мире больших ножей.
Кривым зеркалом отразившем не меня,
а моих мужей.

В старом замке у самого Чёрного моря.
В новом платье изящном, сшитом для горя.
Ты, чужой и сильный, не поднимай
соскользнувшую с плеч мою вдовью шаль.
Потому что и я уже будто —
ускользнула в ту степь, где ковыльно и людно
от скачущих с гиканьем: «Сарынь на кичку»!
(Вы молчали ко мне, вы ни слова лично.)
Это, видно, татаро-монгольское иго
всех не то, чтоб рассорило — рассорило.
Потому что прошлое уже было.
Потому что я взрослая женщина, Боже.
А старуха уже всё на свете может.
И когда я лягу в чужую кровать
не любить, а ещё страшней — умирать,
во мне маленькая девочка гукнет беззубым ртом,
как виновата я перед ней,
не пощадившая даже своих сыновей,
оставлявшая жизнь и любовь — на потом.

2008

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ЖИВУ КАК ХОЛОСТЯЧКА

1

Прими, как приход телеграмм
Мой шепот: «Не верю».
Смешно и легко по ночам
Лунатиком в двери.
О, звучная лета пора
на многие лета.
Мне проще было бы знать,
что песенка спета.
Что звонкий и чистый напев
любви без ответа
суровую нитью скрепил
насмешник отпетый.

2

Живу как холостячка,
пирожные жую.
Пархома, блин, читаю.
Орало, мля, кую.
А под Москвою ливни,
а над столицей смог.
Ты бы приехал, знаю,
когда бы смог.
Но ты в замкадных далях,
где ливни льют и льют.
...А за ко мне приехать
условный срок дают.

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

3

И ещё тебе скажу — есть и будь.
Воссияла звезда над миром.
Зимним вечером схвачена суть
всех нескучных садов. Эфира
полотно в тот вечер трещало,
как глушилки времён оных.
Мы друг друга ужасно смущали
разговором неровным.
Твой обветренный резкий профиль
разрастался в небесный символ.
Да, конечно, я видела в небе
пролетающего серафима.
И ещё было снежное облако,
суета перепутанных кружев,
первый снег лежал некрасиво
на хрустящих под шагом лужах.
Так входили в первые стужи,
так, вцепившись в плечи друг друга,
вырывались из лютого круга.

2013

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Когда, сама себя преодолев,
Вдаль уходила февралём тревожным,
я задыхалась, воздух молодец,
А горизонт был бронзовым и грозным.
За горизонтом новая земля
Меня встречала голубым и белым.
И я горела, глядя на поля,
Покрытые древесным пухом зрелым.
Мне стало пусто, гулко, странно всё.
Всё стало беспросветное, чужое.
А голос говорил — теперь твоё.
Теперь моё?
А кто же я такое — здесь,
Где ничем не пахнут облака,
Где каждый встречный —
Пустотой в квартире.
К себе жестокая карателя рука —
К тебе за что?
Мне тесно в этом мире
От белизны и от голубизны.
Всего две краски окружили плотно.
Я плачу?
Нет... Я шёпотом кричу.
К себе кричу, кричу бесповоротно,
Что всё давно уже «по февралю».
Люблю. Люблю. И, значит, потеряю.
Весь мир зачищен. Солнце догорает.
Из одиночества — к себе я говорю,
Из одиночества, где прошлое не тает.
Где только ледяная пустота.
Там крестики нательные летают.
Следит за ними вечная Пьета.
Как высоко!
Нам взгляда не хватает.

2010

НА РАССТОЯНИИ ДУШИ

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ОТЧУЖДЕНИЕ

1

Моя душа опять отчуждена
от вечных бед
и повседневных плачей.
Здесь, где жива,
меж горем и удачей,
шумит река.
Всё так, а не иначе —
когда плывут
вдоль линии руки
то перистые облака,
то кучевые.
Мне не лениво берегом реки
скользить и видеть —
домики растут
среди долин.
Окошки кружевные.
Но каждый двор постыл.
И нелюдим.
Чужая музыка звучит
по вечерам.
Я замираю до утра
и выше взгляд —
там разлом иной,
и свет иной —
растут другие крыши.
Они, похоже,
вовсе не для тех,
кто чтит родню.
Но празднует разлуки.

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

И верует,
что любит отчий край,
в котором дом и смерть —
библейский рай.
С налётом скуки.

2

На все вопросы один ответ:
не грусти. Не свисти. Не кури сигарет.
Без фильтра курю, как зэк в уголке,
библейские тексты, сжимая, в руке.

1996, 2013

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

Диалог луны и зимы

Луна, круглея непрестанно,

Зиме сказала:

«Подустала

смотреть на то, как все не живы,

и как деревенеют жилы,

как стекленеют на морозе,

стекая, капли,

как людей жестки ладони,

лживы губы о том,

что в небе нет разлуки,

а есть тугое постоянство

и притяженье тучи к туче.

Что холодом сковало руки.

И что всего на свете лучше

опровержение всех смыслов

и утоление печали».

Зима ответила:

«Я знаю.

Уже дожди снегами стали.

Всем будет лучше.

Не бормочи сама с собою,

Луна,

скорей взгляни с небес,

здесь, на земле,

засыпан снегом

бормочущий в ознобе лес.

Листва останется, конечно,

ждать мая,

маяться в сугробе,

чтобы весной подснежник белый

вдруг птицей полыхнул на воле.

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

Уже никто не остановит,
когда в испуге вязком дети
прижмутся, уснут навеки.
Схвачу морозом,
блеском слёзным
присыпав ворох палых листьев
с повадкой лисей.

Заворожу.

Ужмись скорее в месяц острый,
забудь живых до новых вёсен.

Мои снега — мои владенья.

Усни, Луна, без пробуждений.

Ужмись до лезвия вражды»...

Скажи,

любимый мой служивый,

ужели оба заслужили

подмену дома на работу,

души прекрасные порывы

отчизне сдуру посвятив.

Работоголик заводной —

я на работу — ни ногой.

И ты,

пока мы будем живы,

оставь

служивые порывы,

бери шинель, пошли домой!

2017

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ШЕСТЬ ТАКТОВ

Е. Пригоровой

Сквозь два стекла
струилась мгла
под шеститактный перестук,
и сердце тикало в висках —
усни, уснём, уснуть.
Вот поворот вагон качнул,
и перебой настиг меня,
ночь вместо снов
цедила храп усталого коня.
И, в сонных звуках захмелев,
позабывала «аз» и «есмы»,
и усики как удила,
и крылья выросли раз в шесть.
О, шеститактный перепрыг
из женщины в кузнечика
под стрекот собственных ключиц
от взрослых бед излечивал!
Смелел беспомощный рассвет
высокогрудых облаков,
сквозь ушко звёздное спустив
на зябких нитях пауков.
Качались мягко и легко,
смущали, слушали, росли.
И заплетали пряжу слов
в редакторский курсив.
Сопротивлялась и кляла
сквозь два стекла и перестук,
но перекрыла строчку мгла
и выключила звук.

1971

Ольга Ильницкая

стужение жизни — моё ремесло

РАЗМЫКАЯ ПРОСТРАНСТВО

Звеном в звено ошибками,
как пёс сторожевой,
цепным кольцом к калитке —
перед своей избой.
Но, разомкнув пространство
двора, села, и, шире —
шагаю, цепь сорвавши,
заснеженной Россией, —
сквозь перестук морозный,
и шепотки углов,
закрытой для советчиков,
открытой для врагов.
А жизни поворот
от помыслов до дел —
надеждой, что кнутом,
определит предел.
Слова, как воробьи
впритирку на карнизах,
мелодией, свободной
от цензора и визы.
Как пацанячий свист,
под взглядом настороженным,
мой голос со страниц
промчит над бездорожьем.

1976

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

СЕРДИТОЕ

Когда чужой звонок раздастся
и дверь откроешь на звонок,
то преподаст тебе ужасный,
необязательный урок
твой первый в жизни
день напрасный.
Ты дочитала до конца
все откровения юнца
уже познавшего дорогу,
и жизнь, и страсть, и понемногу
в себе приспавшего птенца.
Твой добрый друг сказал зане —
что он в плену у переме...
что он не догоняет осень,
и все дела давно забросил,
и все ему по февралю.
А ты ему в ответ талдычишь
свое старушечье «люблю поэзию».
Он не о том.
И не настаивай, а то
он позвонит ещё не раз
на голубом глазу, и сглазит
букетом вдохновенных фраз.
Стихи положит на поднос,
и станет страшен.
Он неподвижен, одинок,
мешающий, как спирт с водою,
слова о бабах и о маме.
И, как ручей, он не глубок.
Ты не смутишь его очами,
косящими то в потолок,
то под ноги, ты вся не в радость,
и вся не впрок.

Ольга Ильницкая
стужение жизни — моё ремесло

Теперь очнись и дверь закрой.
Звонок был зряшный,
день пустой, а стихотворец —
конь прекрасный,
и безнадёжно холостой.

2011

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

СТИШОК ДЛЯ РАЙКИ

(игры ревности)

Спускается ночь на коричневой ниточке
шершавая, словно гудрон.
Играю для Райки на маленькой скрипочке
и вдруг понимаю — влюблён!
Ты так тороплива, как кошка соседская,
так смейся, а не тужи.
Но ты показала, как точишь, застенчива,
кухонные злые ножи.
Ещё показала, как варишь свой супчик
из плюшевых медвежат.
Зачем твои ушки топорщатся чутко
и зубками ротик зажат...

2012

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

НА РАССТОЯНИИ ДУШИ

*«Однажды дотронусь до края,
Ужалом речистым ветвясь,
Чтоб схема гео-корневая
В обратную вылилась связь»*

А. Ивашнёв

1

Живу, тормозя и срываясь,
играю на пухлой губе.
О, мама моя дорогая,
за что я родилась тебе?
Твои изумлённые руки
вязали мне банты, а я —
слова рифмовала в тетрадку:
«нэнавиджу» и «бытия».
Когда ты разгладила складку
на фартуке школьном моём —
в тетрадь записала я:
«Сладко в стогу ночевать луговом».
И помню, как мама спросила,
записки мои отобрав,
бывала я, или приснилось
про то, кто и как ночевал.
С тех пор не мечтаю о луге,
о стоге, и вовсе — о том,
с кем стоит, друг друга утюжа,
в стогу ночевать луговом.

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

2

На расстоянии души тебя я вижу.

И ближе мне не подойти. Бывает ближе?

Дождь зарядил, и пруд вскипел, в нём —

стайка уток,

и варится пурга крутая из наших шуток.

Мы радуемся и грустим одновременно,

и говорим о счастье «Быть» — попеременно.

И произносим слово «Жизнь», на утку глядя.

А утка кряком отвечает, пруд пузом глядя.

...И мы умеем гладить так, скольженьем чутким,

друг друга взглядом, фыркнув вслух —

на прибаутку.

3

А если стоять на краю

(край тоже ведь не дурак,

обломится, крякнув — кряк!)),

да, если стоять на краю—

то, значит, и быть тому так.

4

Если цедить под слова коньяк,

смотреть закипающий дождь,

то спросит лихо подсевший чудаक:

«Пошто, как дура, ревёшь?».

А дождь отстучит по глади пруда

мажорную песнь бытия.

И вспомнится мама, сказавшая мне:

«Уймись, мерехлюндия».

Вчера я молилась у светлой стены,

в которую плачи загвождены.

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

Сегодня, рубаху рванув на груди,
объемся, как бля, белены.
И всё это будут пустые слова.
А в общем-то, просто кранты.
Куда-то и жизнь, и чудак, и коньяк,
и мама, и прошлое — бряк...
И вот я сижу, как баран в монитор,
скулит компьютер: ась — вась?
И вижу — вся жизненная красота
роднёю схомячилась.
Да, мама права.
Только кто моя мать?
Мне лучше не понимать.
Уж лучше коньячить,
и жизнь паковать,
чтоб смыслы от слов отличать.
Но и тогда, когда отлучу
себя от щедрот и сует,
коньяк будет жёлтым огнем полыхать,
и дождь в глубинах зрачков закипать.
Ну, в общем, я выключу свет.

2007

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

АКРОБАТ ОКТЯБРЬСКИХ ЛИСТОПАДОВ

Люблю любовь. Мне ничего не поздно.
В моих стихах отныне и для всех
осенняя прозрачность, и морозно,
лукавый взгляд, и беззаботный смех.

Я акробат октябрьских листопадов.
Вокруг печалью полнятся пруды.
Я... дотяну до первых снегопадов.
До кромки подмерзающей воды.

Ореховый, отважный кулачок.
Раздавленная хрупкая скорлупка.
Словесный запоздалый пустячок.
Избитая спасающая шутка.

Не говори. Не говори со мной
о том, что будет, о потом, о дальше...
Я только весточка. Я только паучок
на безымянном, без колечка, пальце.

1987

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ПОРТРЕТ МУЖЧИНЫ

В животе у матери он плакал
и родился с открытыми глазами.
Он смотрел по сторонам и на крыши,
он указывал взглядом на предметы,
всё, что видел, разговаривало с ним.
Был отец его сварлив и беспечен.
Фантазёр и гуляка неуёмный.
Никогда не прерывающий беседы.
Не бросающий дела без причины.
А причина всегда находилась.
Его мать была мудра и нелукава.
По утрам она помнила о ночи.
Успокаивала голосом глубоким.
Обучала обычаям и вере.
Но не пела никогда песен.
И он вырос настоящим мужчиной,
не желающим драться за правду.
Уважающим женскую надежду.
Не жалеющим сил и стараний.
Над детьми склоняющимся бережно.
Но друзья его избегали.
Жёны их его сторонились.
Одиночество ему было опорой.
И молчание его сопровождало.
Он же был удачливей многих.
Год за годом прошли. И он умер.
Просто тихо уснул у дороги,
там, где сад посадил, где дети
книгу жизни его читали.
Он был лучшим любимым на свете.
Когда умер, глаза ему закрыли.

1997

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

Я ПОМНЮ ДОБРУЮ ПОГОДУ

Я помню добрую погоду, субботний день,
и пересуды, пересмехи трёх деревень,
закутанных в сугробы меха печных дымов,
за частоколом вздорных слухов, лукавых слов.
Встречали солью и хлебами в тех деревнях.
Входили в избы. Щи хлебали. Смущали баб.
Ядрёный корень. Луны бёдер. Похмельный вздор.
И осуждающий старуший прищур в упор.
Мы были молоды. Плевали на беды их.
Мы б жизнь оставили, как бабу, для всех других...
Не первый год живу на свете — не первый день
я начинаю с перевздохов тех деревень.
А три деревни, три дороги, три грешных дня
простят, помянут, и забудут потом меня.

1982

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

И ЕЩЁ О ЛЮБВИ

Не раздвигайте ей колени,
не троньте, не прощайте, не...
Молчите. Нет!
Не прекращайте молчания!
Молчите вновь!
Она уходит не внезапно,
непреходящая любовь,
она хрупка, не осторожна,
не изворотлива, она —
уходит к тем, кто недогадлив,
уходит запросто, одна —
туда, где острые ножи,
где в уголке, пугаясь тени,
чужая девочка дрожит,
где парня ищут перемены,
где взгляды жгут,
где лгут, где мстят,
где ей не место, где измены,
где что ни парень, то мудака,
где что ни девка, то невеста,
где каждый — каждой друг и враг,
она проходит вечной шлюхой
истерзанной гульбой, она
очнется утром злой старухой,
что как девчонка влюблена,
не прерывайте ни мгновенья,
не прекращайте эту связь,
в неподходящем самом месте,
в неподходящем самом дне,
какого черта снова вместе,
о, господи, молчите, не...

2014

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

У ПОЗДНЕЙ ЛЮБВИ

1

У поздней любви золотая молва за спиной.
Присядь со мной, друг мой,
под наш абажур расписной.
Смотри, светлячок-маячок наш не дремлет.
И каждое слово молчанию позднему внемлет.
Но помню, как рухнуло небо дождями на плечи,
а мне отвечать стало жизни не надо, и нечем.
Ведь ты понимаешь, я вспомнила всё неспроста.
Завидев улыбку мою, ты мгновенно немеешь.
Уносит нас время течением вольной реки,
но вяжут нас памяти смертные волны тугие,
и развязать их — ни мне, ни тебе не с руки.

2

Приходит в ночи, на постель мою мрачно садится
гортанно крича, незнакомая грозная птица,
и страшно глядит до рассвета в глаза.
И я наблюдаю светящиеся колыбели,
в которых огни неземные созрели
и громом грохочут, и катятся,
смертным грозя.

3

Но нам ли бояться —
когда всё известно давно,
мы вечностью живы,
и нам умереть не дано.

2018

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ДАЛЁКИЙ АНГЕЛ АНГЕЛИНА

Ещё я помню все разлуки,
что нет любви, что есть расчёт.
И если я пред богом не стою,
то, значит, пред тобой не виновата,
что до сих пор не бога я люблю.
И почему, ответь мне, почему
любовь есть мы,
а жизнь непоправима,
когда слова струятся между тел,
катастрофически точны. А между тем,
к рассвету ждать обид и перемен.
Они страшны затем, что неуместны.
Расфасовал нас в тесноте квартир тот,
кто снимает и анфас, и профиль.
Расшарил среди пенсионеров
и молодых сговорчивых сексотов,
оповещённых, кто я
Был нам неинтересен этот люд,
их президенту выпало на лире
играть своим легавым и не знать,
где мы теперь, в каком по счету мире
скрываем всё, что предстоит взорвать.
А губы пахли хмелем и анисом,
и мыслью созревало моё тело.
Ещё я понимаю — счастье здесь,
на этом свете, где расчёт и плата.
И если я пред богом не стою,
то перед кем я виновата?
Я женщиной жила, родившей милость,
и меньшего со мною не случилось.

2017

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ОТЪЕЗДНОЕ

Р. Л.

1

Небо. Ночной патруль.
Звёздные дырочки пуль.
Тише! Тебя позвали.
Голос ведёт назад.
Очередь. На вокзале
други твои стоят.
Долгий вопрос: «Когда?»
Киевские поезда.
Руки. Багаж. Билет.
Надпись: «Выхода нет».
Неотступен, как божий взгляд
голос тот, что зовёт назад.

2

Кровь отворяешь, Левчин.
Остановить нечем.

3

Ты поверишь, только ты,
я знаю:
в паузах о слове забывают
(вдох от выдоха неотделим).
У тебя, Раф, пауза такая —
привалившись к вечности бочком
молча светишь певческим зрачком.
И — взлетаешь.

Ольга Ильницкая
сгущение жизни — моё ремесло

4

Ты услышишь. Только ты один
распознаешь за житейским гулом
голос мой надломленный и хмурый,
ибо твой такой же — нелюдим.

1991

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ДВОЕ

Вещий подходит,
глаз не отводит,
говорит:
«Ни жива, ни мертва —
ты зачем осторожна так,
словно посланный кем-то знак?
Ты откуда пришла
и кому передать обещала слова,
что тебе я скажу сейчас?»
Отвечая, она молчала,
медленно вдаль скользя
вдоль его взгляда,
с тенью своею рядом.
Ни жива была, ни мертва.
Проходила сквозь все предметы,
что встречались на её пути.
Он готов был скользить с нею рядом
и готов был за ней идти.
А она была впереди
и слова его не повторяла,
молча взгляда не поднимая.
Понял он, что она понимала
пустоту и в нем, и вокруг,
и себя в пустоту погружала.
И сказал он ей: «Уходи».
Долго плача, стоял у стены.
А стена была из металла.
А стена была холодна
А стена и была она.

2018

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ТЕАТРАЛЬНОЕ

Видно в мире недостаточно инфарктов,
если здесь предел — и не подняться
выше этих сложных декораций:
тишины для пауз. Для оваций.
Занавес — как горизонт на взломе
между залом и закатом застеклённым,
между миром удивлённым и знакомым,
словно сон, в котором не прорваться
до высоких театральных полигонов.
Всем казалось — яблоку нет места,
но едва юпитеры нагрелись
и забарабанили по жести,
возвестила сцена — мир прекрасен!
В сей же миг кулисы проявили
вязь причудливых ковровых переулков,
палисадников в халатиках больничных,
бесконтрольность ритмов пограничных
в суете вокзалов и базаров,
говорящих на наречьях птичьих.
Вышел Гамлет в накрахмаленных ресницах,
вышла девочка в венке из жёлтых лилий,
к омуту за рампой прислониться...

Заложив антрактом текст привычный,
гардеробщик сонно крякнул, зыркнул
и зажал театр в сухих ладонях,
словно деревянную копилку.
С дамскою надеждой на свиданье
и мужской надеждой на разлуку.

1978

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ЧАС НЫНЧЕ ПСИХОВАННЫЙ

Слышь, приятель?
Оль кругла как точка.
Ниткою суровой
норов сшит.
Кто там, неожиданный,
в дверь скребётся,
кто татаринoм незваным
в дом спешит?
Прошлого маруси
давят лужи шинами,
сериал за стенкою
душу ворошит.
Час нынче психованный,
как маньяк.
Полполковника опять
лажу отчебучил.
Оль глотает медленный
арманьяк,
чтобы жисть свою
облагодолучить.
Суета такая — еле слышно,
как рассерженно онлайн
френд орёт:
— Окстись!
— Дык, конечно же, окщусь,
только рак свистнет!
Обещает Оль — на лифте
счас с небес спущусь.
— Шо ты хипишишься?
Оль вопрос озвучит.
— С ножиком в кармане
даром не стебись!

Ольга Ильницкая

стужение жизни — моё ремесло

Друг фигню ответит.
Оль зависнет.
Арманьяк допьёт
с френдессою,
что с врагом.
И пошлёт подальше.
И отъедет крышей.
И спасёт от дурочки
свой бесхозный дом.

2015

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

О ВАНЬКЕ И БАНЬКЕ

Вот стоит в густом саду банька.
Бьёт по чреслам взглядом страстная дива.
И валяет, хохоча, ваньку,
вместо веника в руках вилы!
Вот и думай, для чего баба
любит острое и жжот, словно
ядовитая болотная жаба,
перепутавши скандал с воблой?
Вместо вилки у неё вилы,
как серпом, глазами по яйцам.
Ты вчера ещё был её милым.
А теперь тебе любить пальцем.
Заморочились, спрошу, братцы?
Заскучали без словес острых?
Надоело вам, видать, драцца?
Заблудились словно в трех соснах.
Возле баньки завсегда омут.
Прыгай друже, остудись малость.
Будешь тихим, словно ты — омуль?
И простят тебе словесную шалость.

2005

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

НЕТ ИНЫХ ПРИЧИН

А я люблю картёжников, гуляк,
люблю транзитных самолетов огоньки,
люблю аэропортов закоулки,
московских разговоров переулки
и петербургские проходняки.
Люблю, когда ведут в крутой разнос,
где всё — общаг, где каждый с ходу третьим,
и вискарёк янтарно-светел,
и девочки свалили под шумок
своих пеньков, своих папа, и прочих.
Люблю в отрыв, когда без многоточий,
и не грозит прямая ваша речь,
друзья мои, товарищи, коллеги!
Люблю, когда вы «хочете упечь»
меня подальше, и свои ночлеги
мне не навязываете. Люблю,
когда ты, бледнолиц и хладен,
и не поёшь, про нет иных причин,
чем та, что повенчала не с тобою.
Как ты не прав, ты знаешь, почему.
Священник был сомнительным героем,
оповестившим — всё по кочану.
Ты влез туда, где было всё как надо,
переиначив, не пойму зачем.
Зачем меня ты слушал — я в загуле;
зачем наглядно памятливы, ведь я
не враг тебе, а девочка когда-то.
Теперь я стала — любящую брата,
он гол и бос, он всё ещё как мальчик,
не отвечающий за собственную страсть.
Ему б ко мне припасть, а он живёт
и лыбится на небо раздвижное,
подернутое бисерною мрякой.

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

То свадебный ноябрь мой плакал.
О, мой бог — то чёрная гряда
стоит, и черту кажет роги,
а мне лицо мерцает в облаках,
и чёрная дыра оттель зияет,
и я в ответ показываю ноги
Европы, этой блядской недотроги,
что намозолила уже глаза,
но всё плывёт, и чует под собою,
лишь бок быка, рог изобилия и острые рога.
Вдруг тот, кто графоманство принимает,
ко мне явился, стервь! Не понимает,
что в графомании не более греха, чем...
Впрочем — лесом, лесом, лесом!
Об остальном и думать не могу.
Теперь сижу на диком берегу —
а мимо труп плывёт, и я к нему с приветом.
То враг мой проплывает — он не рад,
что я ему открыла двери в град
небес моих. И плакала при этом.

2005

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

СМОТРЮ В ОКНО

Смотрю в окно — тишины трава
проросла тротуар и дорогу.
Стороной пронесла чужая жена
чужую любовь и тревогу.
Печально в молчанье.
А город закутался в осень,
и дышит на зябкие пальцы
платанов, акаций.
Молчаньем набухли губы,
в молчании застыли лужи.
Молчаньем пролиться готово
Небо... Море...

1972

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

Я ТЕБЕ ГОВОРИЛА?

А.И.

1

Я тебе говорила? — Что жизнь права,
Не всегда предъявляя на нас права.
Где растёт — ты знаешь? — Разрыв трава,
там живу. Он прячет меня среди листьев,
рыжий бог ничейный с повадкой лисьей.
Он меня научает запоминать
как отчаянный свист с тишиной рифмовать.
Как шептать в глубину печали — отбой,
чтоб прилёг на песок головой приборой,
и затихла волна в голосах рассвета.
Напиши ещё раз мне слова «Про это».
Я тебе отвечу, когда зацветёт
безнадежный сирени водоворот.
Посмотрю я вдаль (как проходят мимо).
Повторю ответ свой неумолимо.

2

Там, где купол неба ясен,
над кирпичную страной,
ходит голубь ярко-красный,
под звездой расписной.
Голубь с острым взглядом страшен.
От него в душе озноб.
Купол храма чёрным крашен,
словно чёрной меткой лоб.
Думай обо мне не часто.
Далеко лежит мой путь.

Ольга Ильницкая
сгущение жизни — моё ремесло

А в конце его сияет
омута лесного глубь.
В зеленых дубравах ветер
быстр и светел.
Хорошо, что ты меня
слишком поздно встретил.

2003

**ПОЭЗИЮ МОЛЧАНИЕМ
ПРОДЛИТЬ**

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ТЫ ЛЮБИЛ МЕНЯ

Ты любил меня в осиновом лесу.
Грозное небо запотело.
И держали сердце на весу
веточки осин, чтоб не болело.
Всё смешалось, гром и сердца стук,
страшные осиновые кольца.
Обломился под ладонью сук
и ладонь пронзило злою болью.
Словно сердце я сжимала в кулаке.
Словно кол осиновый вбит в сердце.
В полдень лес осиновый разделся
и застыл в бесстыдной наготе.
Умирала на закате лета
в солнечные кружева одета
на лесной окраине Москвы,
где осинки, вытянувшись в ряд,
серыми сиротами стоят.
Там любовь моя, покинув тело,
равнодушно в небо отлетела.
Ливень шёл четыре дня подряд.
И никто ни в чем не виноват.

1999

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ПОСЛЕДНИЙ ВЕРНИСАЖ

А. И.

Ухожу в темноту до того, как она наступила.
Темнота подошла. Посмотрела в глаза.
И мне на ногу наступила. Потопталась вокруг.
Превратилась в хоккейную битую.
Я попала в ловушку Малевича.

Тема будет закрыта.

Как стреляют по воробьям
из небесной рогатки коряво,
так подранком взвилась
и в квадрате захлопнулась алом.

Ало в чёрном, внутри мирового пространства
мой зрачок заключен.
С неподвижным, в веках, постоянством
зрит ночное биение пульса на жилке глубокой.

Там, в провалах ночных, набухая опасной осокой
среди вод неподвижных, среди луговины
просевшей,
опрокинут в тугое болото мой взгляд безутешный.

Вернисаж затаился.
И шарканье ног превратилось в тишину
над бедняжкой,
что в звездах ночных утопилась.
И покоится, робко прижавшись к бесплотной руке,
за картинною рамою, с литерой «П»* в уголке.

* с литерой «П» — картина В. Г. Перова «Утопленница»

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

Там свисают с небес белоснежные детские руки.
Это ангелы падшие под иерихонские звуки
притворяются мрамором в парках
и длинных аллеях.
И стоят истуканами, и ни о чем не жалеют.

Я иду и не вижу, и вовсе бояться мне нечего —
это светит в ночи кто-то жёлтеньким серпиком
месяца.
Я не вижу его, только слышу бряцанье монеток —
научают старухи своих убывающих деток
звякать медью в карманах,
а лучше брэнчать серебром,
и молчание-золото будет за это — потом.

Убывают они, и вырастают в морозные дни,
и недаром зима так страшит заверюхой надменной.
Это ангелы вновь оживают в квадрате вселенной,
вырываясь за раму картины, написанной мелом
(на бессоннице чьей-то) рукою пока неумелой.

Но художник не друг и не враг,
а надсмотрщик угрюмый.
Нарисует их всех, заключая в квадратик безлунный.
Я не вижу его, я уже ничего не увижу.
И квадрат, нарисованный чёрным, всё ближе,
всё ближе.

Белый-белый, белее, чем школьный
крошащийся мел.
Кто не ведал, когда этот ужас вселенский презрел,
кто не верил? Кто слепо водил по глазам пустотой?
Молчаливый квадрат — он Малевича. Только.
Не твой.

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

Уходи же скорей в мир бродяг и шальных голубей.
Уходи и, как дети, о прошлом своём не жалеи.

Засвисти! —

и как только услышат пронзительный свист
в небесах,

смоют ливни твой след,

и заглушит громами твой шаг.

Не пугайся ночи, не пугайся рассвета во тьме —

Это голубь с оливой уже подлетает ко мне.

С ним взлетим.

Пролетим над созвездием крыш.

Посмотри — просыпается юный Париж.

Там Пикассо свой кофе без сахара пьёт.

Вернисаж.

И народ на «Голубку» Пикассо идёт.

Все спешат.

2011

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

БОГ БЕРЕГ ДАСТ

Я знаю страх, я жизнь люблю,
лишь ею я больна смертельно.
Я побывала в том краю,
где тайны нет, а есть терпенье.
Там мрак сухой стальной иглы
крадёт зрачков тугую влажность
Но взгляд в упор сильнее мглы,
и отступает жажды жадность.
Теперь я стану долго жить
и верить в праздник дня седьмого,
И счастья ждать, чтоб снова сжать
светящуюся радость слова.
Когда ж над миром проплыву,
мне, как Европе в океане,
Бог берег даст, и миг желаний,
и я о прозе пропою.

1986

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ДАЧНОЕ

М. Г.

1

Я Вас любила.
В пасмурные дни
на даче оставались мы одни.
Нам пело море. Чайка нам кричала.
И лодка отходила от причала.
И вёсла прыгали по утренней волне.
Вы говорили — быть тебе, княжна,
девчонкой босоногой в новой жизни,
и новая небесная волна
омоет берега в твоей Отчизне,
уже звезда Полярная видна.
Уже лицо твое белее мела.
Вы помните, душа моя немела
в предчувствиях.
Как я была больна
моей любовью.
Как Вы были близки
к рождению моему.
К его огню.
Звезда и небо нависали низко.
Вы пели про снега и про войну.
Я Вам шептала строгие слова.
У Вас от них болела голова.
Был берег близок и близка печаль.
И лодка с ходу врезалась в причал.

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

2

Могу ли я забыть про эти дни
холодные, в мучительных сомненьях.
Меня вели небесные огни.
Меня влекли судьба и вдохновенье
туда, где мрак и яма глубока,
где ты лежишь, вращая в ось земную...

1994

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

АТЛАСНАЯ ТЕМА

Он опять ко мне, на атласной* ленте,
заблудившийся ангел смерти,
опустился с небес.
Позвони в ночи. Успокой меня.
Зацелуй испуг.
Засекретит ночь всех твоих подруг.
А меня разболтает вслух.
Ночь бессонная манит бездною —
снеги стаями с горних высей.
Научу тебя — обмани, как всех.
Все равно к рассвету их вычислю.
Не останься со мною глух.
Одолей меня. Заморочь меня.
Перейди мне жизнью дорогу.
Да, скажу тебе: «Нет!»
Промолчу в ответ, да.
Покори во мне недотрогу.
Будто девочка я умру вчера.
А сегодня «с морщиной у рта».
Потому-то я всей собой права,
и желанна тем — что не та.
Я твержу твои по ночам слова.
На слова твои предъявляю права.
До утра ни жива ни мертва.
Слушать ночь — всю жизнь
под крылом чужим...
Звезды ластятся ледниками.
Ангел смерти парит недвижим.
Мы и есть любовь — сами.

2017

* атлас — неотвязчивость (татарский).

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

А НАМ ИНОГО И НЕ ОБЕЩАЛИ

«Апрельский воздух — веянье печали...»

А нам иного и не обещали.

«Не мир, но меч».

И твёрдые скрижали, не небеса —
исчерканы стрижами.

Мне девочка заплаканная, злая
Сказала, в ужасе (меня подозревая),
что дом сгорит! И все сгорит — без мамы.

Что мама мыла утром в школе рамы,
а школа к вечеру огнём горела...

(Весна и я молчали ошалело.)

К рассвету новым занялась пожаром страна,
объятая весенним жаром.

А что же мама? Мама мыла рамы.

Потом пришёл за мамой дядя Рома.

(Пришла Весна, мать увела из дома.)

И вот горит огнём и дом, и небо,
как будто в мире что-то есть иное,
чем голос пробужденья от неволи:
капкана дома. Да! Ловушки дома.

Где вечны дети. А не дяди Ромы.

Где вечно мамы намывают драмы.

Не нужен меч, но миру нужны рамы.

Не говорить бы нам про все про это,
но ласточка опять летит с приветом.

Опять весна! И рамы нараспашку!

Мне стало жаль девчонку-промокашку...

2019

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

МОЛИТВА

Святой Архангел Михаил,
мой сын тебя любил.
Возьми его и огради,
и присмотри, пожалуйста.
А то он в лавочку пойдет
и кто-нибудь винца нальет,
и я тебе пожалуюсь.
Спаси от длани божьей
и от Его любви
Летающего Мальчика
во Храмах на Крови.
Бог так с Алёшей носитя,
что гром с небес доносится.
Терпеть Лёшке доколе
радетельской неволи.
Спаси мне сына, догляди,
не то он с неба бросится.

2008

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ТИХО ТЛЕЛИ УГЛИ

Где завихрили свирели запах моря в акварелях,
и где ветры налетели, утюгом прошлись горячим —
тихо-тихо тлели угли, деревянной настоящих.

На окрашенной скамейке

 восседал главврач больницы,
с канарейкой кроткой в клетке

 на хрустящем поводке.

Колли, умная собака, проходя, сказала глухо:

— Где пичуга — где намордник,

 зацепить не вижу уха!

Ремешок из кожи свежей

 терпко пахнувший ребёнком
даром брошен, возле лавки, у неловкого врача...

Так, ворча, сказала колли. Пожалела канарейку.

А меня не пожалеет так никто и никогда.

1986

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

У РЕКИ

Ты лучше не поминай
причину былых размолвок.
Он песенен, этот край
щеглов и красноголовок.
Смотрю я во все глаза —
летят над рекою утки,
и, знаешь, сюда нельзя
запавшим на прибаутки,
раёшники, на галдёж тусовок,
глухих к свирели.
Поймёшь ли, как все они,
и ты заодно, надоели
смертельно мне, знаешь, да?
Вали подобру отсель —
где иволги голос чист,
словно певунья свирель...

2009

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

И БЕЛОЕ ПЁРЫШКО

1

...ненавижу всё, что вижу:
крышу,
выше глубину
ночи страшной
непроглядной.
Там, в безмолвии греховном
путаница прядей тёмных,
парикмахер остро бреет
головы созревшим.
Зло.

2

Сунул нос, чтобы смотреть,
убедиться в праве?
И тебя подправят.
Вот четыре крыла
парикмахерских плащей.
Щёлкнут ножницами —
чей неподстриженный?
Ничей.
Так зачем тогда глазеешь
в чёрную дыру?
Срежут голову, и тоже
станешь на дыру похожим.
В эту тьму не в гости ходят,
волосы в клубок смотав —
эта пряжа не для «кухни».
Для чего и кто нарисует
профиль мелом,

Ольга Ильницкая

стужение жизни — моё ремесло

разотрёт по лбу сурьму,
мерку снимет срочно...
Захотел незнамо что
разглядеть воочью?
А не суйся
в прорезь тайны,
там ни зги...
Не тебя позвали.
Не тебя везли
в зыбкой
колеснице,
и не над тобой
цирюльники работали —
как голуби ойкали...
Срежут с головой
причёску
не тому сейчас...

3

То-то, спи,
уже погас
свет в (пока)
чужом окошке.
Брови насурьмили,
покрасили рот.
Вот какие сны я вижу
сутки через сутки.
Но теперь
ко мне вломились
и всучили поутру
посох в руку
и суму —
звана.

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

4

...Это странно
алый рот
насурьмлёны брови,
и комок волос
вроде доброй волей
отданных во сне
парикмахерам безумным
с полной урной прядей,
прядок, прядочек...
Это кто рядком затих
на лавочках струганных,
балуясь чайком...
Волоски из чашечек
выберут потом.
Прочь покудова прошу,
а не то с рассветом
всех незваных приглашу
выпить чашу эту —
где заваркой перышки
голубиные.
...Так узнала, что у ангелов
пряди длинные.

2017

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ХОЧУ КАЗУ

(Абзац — поэма с эпиграфом и эпилогом в сюррочках.

Сюррочки — смыслы из клочков по закоулочкам).

«Кошек и собак я каждый день не кусаю».

Доктор Карпи.

1

Все слова не о том.

Рифма гласности — лажа.

Авангардная роль — несусветная бл*дь.

Перестройку проводит кремлёвская стража.

Козырнет ей в ответ аппаратная рать.

2

В мае что ни свадьба, то маяться,

ниве их полеглой быть долу.

Девочки и мальчики, главное,

что мы парами ходим в школу.

И скандируем хором: «Слава»;

И заботы слагаем в купу.

Продадим домашнее сало —

и общественный трактор купим!

3

А рассвет надо мною розов.

Не дотягивает до как надо бы.

Я смущаюсь на Красной площади,

как над гербовою бумагою —

где слова — на родном, на русском,

докатились до места лобного.

Я боюсь, кругозор мой — узкий,

и что я потеряю голову.

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

По редакциям хожу без амбиций
голубицею из провинции.
Улыбаюсь почти застенчиво
к тридцати оказавшись в засвеченных.

4

Ещё

Ещё вчера

Ещё вчера у входа в коридор
из лифта выпал пьяный бес,
сказал усталые слова,
в глазах безумье и укор,
смутился и поцеловал,
ещё уйти не отошёл,
как наступило хорошо.

И я вошла, вошла, вошла
в редакционный коридор.

...Полуреальный шёл чувак,
он из приёмной вышел вон,
чтоб вором беса обозвать —
мол, холамидник этот бес,
он пропил, пропил холодильник,
компьютер, ксерокс и будильник,
спуская сумерки с небес.

...Мы очутились в темноте
уже вдвоём, ещё не те...

Друг друга приняли на вдохе,
в руке твоей легко-легко
качнулся маятник Фуко.

Прозрений срок давно просрочен,
заныкала судьба подстрочник,
смысл счастья непереводим.

Я увеличивалась вдвое.

А ты предпочитал в один.

Опять рубильник кто-то дёрнул,

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

из полумрака выпал ворон
с бутылкой хереса в росе.
Теперь в моей руке легко
качнулся маятник Фуко.
Под руку ворон крикнул: «Браво!»
И — вправо маятник легко!
И сразу счастье отпустило,
а что проходит — будет мимо.
Октябрь идёт, «Октябрь» уходит.

5

Я не велю сбываться снам.
Они зависли. Их съел спам.
Абракадбра наяву! —
А что там было, ровно в полночь?
Если не вспомнишь, я помру.
Не дешифрую: юникоде? Или кириллица?
Скажи, противотанковы-е-жи,
или вульгарная колючка
отгородили поле ржи, где я лежала
с авторучкой наперевес,
когда обвал меня с небес... Вознёс.
И вырос в поле крест.

6

Недоставало мне зноя.
Зноя недоставало.
Ало пылало небо.
Небо ало пылало.
И оплывало солнце.
Солнце зияло.
Но было мало.
Мари-Хуана благо(б)ухала.
Не догоняла душа озноба.

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

Вполглаза счастье —
хотелось в оба.
Пацан в раскачку
шёл к горизонту,
зрачок был сужен,
подобно зонду.
И зубы сжаты,
Как пред грозой.
Взгляд был сержантский,
готовый к бою.
Хотелось плакать,
болеть собою.
С Мари-Хуаной
дышать запоем.
Вполглаза счастье?
Вломили в оба.

7

Я думаю, давно пора
валить с безумного двора.
В Луксор, к примеру, в Абазу.
...казу подайте мне, казу!

P. S.
И про казу серьёзно?
Что, самоиронично?
А жанр определяется,
как чисто пограничный?

Ты рухнула на голову,
болтушка записная?
Как будто есть у дурочки
страничка запасная.

2007

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ЛЮБВИ ОБЯЗАНЫ РОЖДЕНИЕМ

К. И.

ВСТУПЛЕНИЕ В ТЕМУ

Я бываю очень зла, но так послушна,
что углы от центра отступают,
раздвигая сцены общих комнат,
где постель плывёт вдоль горизонта,
где меня касались твои губы.
Я твой вдох, короткий как обида.
Ты мой выдох, долгий как дорога.
Наша встреча продолжение пальцев,
поцелуев беглых, слов подвижных,
ритмов бесконтрольных, пограничных пауз.
Мы живём, не подавая вида.
Никогда нам не догнать забвенья.
Не найти свободы от дыханья.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОПРОСА

Надежда затихает в свет и дальше,
когда всплываешь, словно сон вчерашний,
из глубины своей ко мне, поющей
и плачущий темно и неподвижно.
Куда уходят мысли, ты не помнишь.
Ты тонешь, выплываешь, снова тонешь,
вслух повторяя — жизнь лишь отраженье.
Я — отражённое. И значит, я не жив.
Как безнаказан мёртвый,
да я знаю.
Но ведь ты был, я помню,
есть, я знаю!

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

Завидна моя участь поцелуем —
к тому, кто быть живым не ощущает,
и умереть от жизни точно так же,
смеющейся тревожно, веря точно.
Как дышишь ты тепло, неосторожно.
За нами жизнь, которая не с нами,
дожить её вдвоём не успеваем,
подглядывает любопытным глазом.
Вот губы в губы вжались,
что мы скажем...

ВСТРЕЧА

Мы умрём, когда мы вдвоём,
чтобы нового ждать рожденья.
Тьма настигла нас долгим копьём:
поцелуй,
рассвет,
воскресенье.

ПЕРЕД КОНЦОМ

На руках твоих я распята.
Я была как Иисус на кресте.
В поцелуе потеряла брата,
и сияли мы в наготе.
На руках моих ты распят.
Белый свет побеждён и смят.
На кресте нашем общем вдвоём —
поцелуй с головы до пят.

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ЯВЬ

Улетим на рассвете,
когда солнце откроет глаза,
за небесную хвою в лесу незнакомом, и, за
поцелуй отчужденья от мира обид и страстей.
Стану девочкой маленькой и абсолютно ничьей.
Станешь маленьким мальчиком,
 бывшим однажды отцом —
всё ещё повторится в далёком прекрасном потом.
Стану мамой своей. Стану дочерью и улечу.
Мужем станешь моим, потому что я сына хочу.
Всё опять повторится. Мы будем как брат и сестра.
Будем ангелы светлые в доме пречистом Отца.

ОДИНОЧЕСТВО

В огромном городе, враждебном городе
я заклинала, ты, виновен ты,
в том, что я счастлива вне времени и меры.
Уже готовило нам небо перемены.
А руки радостны, смелы, смиренны,
о, как прерывисты здесь свисты Филомелы
с зубовным скрежетом, картавым подголоском
сквозных ветров, навязчивей подростков.
Изумлены. С ума сошли мгновенно.
И замерли на жесте сокровенном.
Душа настигла.
Твёрдые века
в прозрачных высях спрячут облака,
скрывающие тайну воскрешенья:
здесь мы узнали оторопь прощенья.
Едины мы. Нам сладко-одиноко,
постигшим азбуку, отдай за око — око.

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

И снизошла на город благодать
до дня прощального радеть и не рыдать.
Молчать и улыбаться, да, молчать
до выдоха последнего готова:
когда ты спишь, молюсь я неумело
о кротости души, о взвешенности тела,
не помня, что в начале было Слово

КОГДА МОЛЧАНИЕ ПРОИЗОЙДЁТ

Пропало время.
И не скрипит железная петля.
Спасенья ждёшь. Пульс пробивает темя.
Пружина тянется. Не вертится земля.
Когда тебя настигнет хриплый выдох,
и вырвешься из пятого угла,
то вывинтится в теле цепкий винтик
и одноразовая вколется игла.
И губы станут слову поперёк.
И поцелуем отзовется эхо.
И западёт доверчивый висок.
И обернётся тело бурым мехом.

МОЛЧАНИЕ СИНЕЮЩИХ МЕДУЗ

Я повторяла слепо, наизусть,
вой ревуна, молчание медуз,
угрюмо ржавый запах солидола,
и повелительные голоса глагола.
Но не было движения во мне.

Ольга Ильницкая

сущение жизни — моё ремесло

Наоборот,
ты целовал мой рот,
чтобы молчало взорванное тело
так неподвижно,
словно я висела
на выношенном кожаном ремне.

ПОСТКРИПТУМ

«Любви обязаны рождением
и первым и вторым.
Был мир нелепым наваждением,
а стал любим»*.

1996, 2019

* А. Кантор

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

Я БУДУ РАЗГОВАРИВАТЬ С ТОБОЙ

Я буду разговаривать с тобой
сквозь странные для прочих построенья —
когда лишь память, ветер, листвобой.
Испания. И легкие мигрени.
Но ты поймёшь. Мы знаем, почему
живу вне тяжести навязчивых созвучий —
лишь бриз, лишь запах терпкого вина,
лишь запах кофе и того, что круче,
чем кофе в забегаловке портовой.
Что мне добавить — бабушке фартовой,
исколесившей больше сотни стран?
Лишь только то, что всё напополам.
Всё наше достаётся, милый, нам —
заслуженной и сохраненной мерой.
Я не грущу, когда брожу одна,
пересекая площади и скверы,
и посещая теплые дома друзей
(не понимающих ни слова) —
в моих стихах, и что им до стихов!
Они меня всегда принять готовы
без лишних слов.
Какие чудные настали времена!
Живу одна, брожу, схожу с ума,
и пью, и радуюсь, и плачу второпях —
чтоб не заметил драгоценный враг,
что я печалуюсь.
Я всё равно скажу, что мы вдвоём,
что я ещё смогу стоять одна,
и говорить — мы вместе.
В своей глуши ты напиши невесте,
в непрожитых застывшей временах,
что стих уже прибой, и сумрак рассосался,

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

что есть лишь миг, в котором ты остался
событием, невнятным для живой.

А откровенья не достигнут всех
лишь потому что, выпив свой бокал,
я правдой не убью их наповал,
и умолчу о том, где ты теперь.

Не запирай сегодня на ночь дверь.

2017

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

Сад Нескучный листву, словно спутник,
ногой ворошит,
загребает, бормочет: «Не надо спешить никуда».
И мерцает в пруду утонувшая наша звезда.
А наступит рассвет — успокоится сердце моё.
Устаканится жизни чугунное злое литьё.
Добреду до постели и лягу весь день умирать.
Мне ли смерть, как любовь,
в суете городской выбирать?
Мне ли помнить о страхах несбывшейся
женщины той —
раздражающей, словно аршин проглотившей,
прямой?
В долгополой Москве обложные с утра облака.
Холодна изолгавшейся веры в надежду рука.
И, пытаюсь согреть ледяные дрожащие пальцы,
понимаю — увы. Затянул кто-то жёсткие пяльцы
и крестом вышивает суровую нитью окрест —
седину, и сугроб, и угрюмо чернеющий крест
где-то там, за Москвою-рекою.
Это ты следом в след торопился за мною?
Это ты, это ты растирал мои зябкие пальцы.
Это ты закрутил на висках леденящие пяльцы.
Ты найдёшь меня здесь, где под наст
провалилась аллея.
Среди колющих слез, где тебя дозовусь, сожалея,
и о том, что умрём, и о том, что ещё проживем —
пока слово «пока», словно хлеб, раскрошив,
дожужим.

2019

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

О ЧЕМ ПРОМОЛЧИШЬ

ПАМЯТЬ

Мне голос говорит.
Мне говорят века.
Всё в мире только память.
Обратный счет времен
из возраста печального
по имени Расплата —
в мгновения рождений
Закона и Имён.

ПЕРЕХОД

На тонкой черте между жизнью и смертью
о чем промолчишь незабвенный мечтатель
о чем твои мысли по ком твои плачи
кому не расскажут прилежные пальцы
не первая гибель в истории мира
уход твой в далёко откуда не снятся
там звёздочка юная тени латает
там светятся корни огромных деревьев
там ночи как очи бессонные длятся
и чёрное эхо хохочет и тает
и бабочка в бархате мёртвом летает
«Не в тебя стреляли. Но в тебя попали».

СМЕРТЬ

Я только слабый выдох.
Я только сильный вдох.
Я девочка на выданье.
Меня не выдаст Бог.

2004

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

И МОЛИТСЯ ГОСПОДЬ

Ещё я рассказать тебе хочу,
как оторопь по звёздным пляжам рыщет,
как ветер свищет вслед холодному лучу,
а месяц половинку серпа ищет.

Ревун кричит. Медведица рычит.
По Млечному Пути сбегают в море
созвездия, и молится Господь.
Он докторской иглой врачует Запад,
неизлечимый северный озноб
переливая в южную нирвану.
Он лечит горе, одинок и древен,
как европейцами не познанный Восток.
Ни друга нет, ни женщины, ни равных.

...Античности разверзнутые раны
являют мрамора и патину, и блеск.
Спит Атлантида. Зевс младенцев ест.
Нет, ест детей Сатурн. А Зевс плывет.
Он — Бык. Морской бурун вспорол рогами.
Вообразил Европу недотрогой
с девичьими и робкими ногами.
Плывёт, косит на нас влюбленный глаз.

Пусть жемчугами обовьют рога
Быку Стрелец, и Водолей, и Дева,
пусть радуются силе, красоте...
Но — мы другие. Но — века не те.
На что нам Бык с жемчужными рогами?

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

Земля лукава, и смертей не счесть.
Зачем нам нужен миф, коль Бог не спас!
Рога Быка — штурвал, достойный нас.
Живем, плывём... Куда плывём — не помним.

Круглеет месяц, как живот любимой,
скрывающий до времени угрозу.
Какое счастье — ночью дети спят.
И умирая, спят. Плывут и спят.
Всё множатся созвездия. Их свет,
не согревая, освещает путь.
О, как они прекрасны, красны, красны
и солоны! А рядом кто-то рыщет
с обломком острым. И кого-то ищет.

И мир летит по чёрному лучу.
И красный ветер над снегами свищет.

1984

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ЧАСЫ ЗА УСИКИ ВОЖУ

Ты спросишь, что я делаю...
А ничего не делаю.
Сижу — гляжу, узлы вяжу,
часы за усики вожу.
Ах, эти части, части часа,
бегут в часов карманных чашу,
бегут в пустую чью-то чашу,
и всё проходит, что люблю.
Попробовать настой хоть раз бы
из той, какой не знаю чаши,
и в чаше часа раствориться
такой же бесконечной каплей,
и стать настоем.

В белом платье
там буду стрелочкой гулять
по кругу!

Сиротить старушек.
И поминать лихую мать,
и закуковывать «кукушек».

...И дети ходят той же чашей,
и пьют питьё из той же чаши.
Ты спросишь, что я делаю?
А ничего не делаю.
Сижу, с тобой болтая,
ногою в такт болтаю,
часы перевожу.

Мы уйму дней в году
на холостом ходу.

1979, 2019

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

ПОЛОСА ПРИЛИВА

1

Нам не дано
подойти к океану,
взявшись за руки,
как в юности, крепко.
Каждый посажен
в ознобную клетку.
Каждый пришит
к роковому роману.

Белые стяги
на прошлые реки.
Белые руки
на плечи в погонах.
Мы обманулись
в бегах и погонях.
Нам не поднять
под монетами веки.

Господи, крикну,
отринь эту муку,
что поглотила
остывшее солнце!
Мы никогда
не окажемся вместе.
Нам не дано
пересилить разлуку.

Настежь оконце
в крутую простуду,
больно дышать,
и ты больше не дышишь.

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

Даже когда
ты меня не услышишь,
я дозовусь!
Докричусь!
И тогда...
Вновь разминёмся.

Большая вода.
Берег далёкий.
Суша без края.
Ты меня помнишь.
Я тебя знаю.

Что же вы,
что же вы,
что,
господа!

Температура.
Рассвета обвал.
Кто убивает кого
наповал?!

2

Звонит звезда: «Впусти, впусти,
возьми меня, возьми живую...».
Ты мне сказал: «Простил. Проси»?
Кто, кто ответил: «Аллилуйя»?

Молчит девчонка до поры.
Поит её звезда живая
единство светом поверяя.
На смерть? На путь —
благослови!

Ольга Ильницкая

стужение жизни — моё ремесло

3

Не называя вслух имен
нас причастил случайный встречный.
Он ничего не взял взамен.
Сказал с испугом: «Быть беспечным...»

Кто он, хранящий наш огонь
и умножающий — пожаром?
Куда он опустил ладонь?..
Чей рот закушенный стал алым?

Не забывай его! Опомнись!
Мы не повинны, не повинны,
что оказались осью Мира.
Что — половинны.

Равновелики, и прекрасны,
как вновь возникшее светило:
но как опасно, Боже храбрый,
переломить ось Мира.

4

Все междуречья наши — связки
разрозненных событий. Судеб.
В которых — ты, в которых — я
не помним то, что будет!
Никак из времени не выпрыгнуть,
чтоб слово веское сказать.
Юг манит, но Отец так холоден.
И — молится на север мать.
Ах, бедное сердце остыло.
И все глаголы временят.
И матери (в коротких платицах)

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

о нашем счастье говорят.
И разрастается в полнеба тишина.
Мужа из прошлого окликнула жена.
Из бывшего, откуда тянет йодом,
и шепотком испуганных подруг:
«Там холод, здесь озноб и страх вокруг,
коляска с первенцем,
чтоб пьяный грузовик её задел».
О, где ты был в тот миг?
Сомнений горестный туман
и слов случайных донорский обман.

5

А я боюсь разреза резкого,
когда вдоль крыльев маховых
вдруг брызнет кружево небесное,
замрёт на миг —
то девочкой, то птицей,
то сном, который снится.

6

Но крылья сомкнуты, и небо
уже прорезано насквозь —
непостижимое, и мелкое,
что на глазок, что на авось.

И может, в этом странном куполе,
где жизни провисает нить,
щель образуется?
И ласточкой своё гнездо —
там стану вить!

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

А в этом мужество и мука:
из безразмерности пространства
вдруг вырваться пугливым звуком!
И тем нарушить постоянство.

О, баловница, чудо, девочка,
«жизняночка и умирайка!»
Быть может, главное у неба,
твоя игрушечная ранка!

7

Словам нечаянным и тесно и темно.
Здесь завязь зреет и таит загадку:
что мой вопрос? Что я впишу в тетрадку?
Как спрячет солнце в глубине мороз?

Я новичок простуженного лета.
Я ласточка с надломленным крылом.
Улитка, вьющая уютный дом.
Я — это ты, шагнувшая, за veto!

8

Нет. Не прошу ни зноя, ни прохлады,
ни тесноты заплечного жилья.
Улыбка я, и только свету рада,
я акварельной кисточки игра.

И может, в этом синем куполе
где холода слоится нить,
откроется окно, как обморок,
чтоб мне гнездо по-птичьи свить.

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

Луч солнца, паутинка света...
И день за днём — за вехой веха.
свою судьбу, как неба эхо —
я буду петь. И стану жить!

9

Жизнь без сносок и без правок
приведёт прямой дорогой
в лес густой, где каждый ствол
на тебя глядит в упор.

Пустотелые берёзы
внемлют голосу пустому
пусто небо над поляной
где лишь папоротник густ
да боярышника куст...

10

Представь, это — только набросок.
Чтоб слово цеплялось за слово,
тебя поднимало и словно
вы-тя-ги-ва-ло до небес
в придуманный начерно лес...

А может, все вовсе иначе.
Вот иволга жалится, плачет,
вот воздух мерцает, маня,
и я — это только мелодия,
в сосне зазвеневшая, вроде бы.
Я только другая история.
Рассказанная — для тебя.
В ней главное — небо и лес.
И тот человек, что исчез...

Ольга Ильницкая

сгущение жизни — моё ремесло

11

Их разговор похож на клёкот птиц.
Мелькание стальных умелых спиц.
Ни слова вслух, лишь посвист—
и, глядишь, уже летишь!
Под ними россыпь крыш,
поля... леса...
И Отчий свет высокого крыльца.

12

Они живут как птицы на руке:

.....

Мелодика их речи такова,
что можно предсказать —
пройдёт забвенья ночь,
и снова всплески рек,
и снова говор рош,
и снова птичий щебет на руке
у Господа.
От мира вдалеке.

И, может быть, живая эта жизнь —
известна лишь поэтам, и влюблённым:
смеющимся, упрямым, окрылённым.

Бог даст нам сил на долгие лета,
чтоб птичий жил язык,
чтоб эта му-зы-ка...

1989, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВДОЛЬ СВЕТАЩЕЙСЯ ЛИНИИ

СЛОВО, КАК СОЛНЦЕ	5
ВДОЛЬ СВЕТАЩЕЙСЯ ЛИНИИ.....	6
ОСИП, Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ.....	7
КРЫМСКАЯ ПАМЯТЬ	8
РАКИ.....	9
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ПОХОЖА НА ЛЮБОВЬ	10
РУСЬ	11
СТОЛИЦА	12
НАКАНУНЕ	13
С ЧУВСТВОМ БЕЗДНЫ	14
ГОРНЯЯ ПЕЧАЛЬ	15
ТЫ ВОВРЕМЯ МЕНЯ ОКЛИКНИ.....	16

ОПЯТЬ ИДУТ СТИХИ, КАК ЭШЕЛОН ИЗ ПРОШЛОГО

ПОЭТ.....	19
ЗА ЯНВАРЁМ ИЮЛЬ	20
ЧТО НАСВИСТЫВАЕШЬ, ПРОЩАЛЬНИК?.....	21
ПОСТИЖЕНИЕ.....	23
В ЗНАК УТРАТЫ.....	24
ПРЕВЫШЕНИЕ МОЛЧАНИЯ	25
УЧИТЕЛЬ, ЗНАЮ.....	27
ПОГОВОРИМ ПО-РУССКИ	29
ЮБИНАЛЬНОЕ	31
МАМЕ	33
НЕ БУДЬ Я АНГЕЛОМ	34

ПОПЕРЁК ЛИСТОПАДА	35
КТО ЖЕ СПРАВИТСЯ С ЭТОЙ СТРАНОЙ	36
ОПЯТЬ СТИХИ ИДУТ.....	38

КРОША СЕРЕБРИСТЫЙ РАЙ

АРБАТСКИЙ КОСЯК.....	41
ПОКА ДУША В НЕВЕДОМОМ ПАРИТ	43
ПОСЛУШАЙ, МОСКВА	45
ИЗ ГЛУБИНЫ СОМНЕНИЙ	47
А Я ВЫБИРАЮ РОССИЮ	48
НАД ТАЙНАМИ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ	49
ПРОСТО И БЕСКОНЕЧНО	51
ПОСЕЕШЬ СМЕРТЬ — ВОСХОДИТ ЖИЗНЬ	53
ДРУГИХ БЫ НЕ ЗАБЫТЬ.....	55
ЕДИНСТВО	56
ОТПУСКНОЕ	58
СЕКРЕТ РУСАЛКИ.....	59
Я ЧИТАЮ ТЕБЯ И СЕБЯ	61
ЖИВУ КАК ХОЛОСТЯЧКА	62
ПРЕОДОЛЕНИЕ.....	64

НА РАССТОЯНИИ ДУШИ

ОТЧУЖДЕНИЕ.....	67
ДИАЛОГ ЛУНЫ И ЗИМЫ	69
ШЕСТЬ ТАКТОВ.....	71
РАЗМЫКАЯ ПРОСТРАНСТВО.....	72
СЕРДИТОЕ.....	73
СТИШОК ДЛЯ РАЙКИ.....	75
НА РАССТОЯНИИ ДУШИ.....	76
АКРОБАТ ОКТЯБРЬСКИХ ЛИСТОПАДОВ	79
ПОРТРЕТ МУЖЧИНЫ	80

Я ПОМНЮ ДОБРУЮ ПОГОДУ	81
И ЕЩЁ О ЛЮБВИ	82
У ПОЗДНЕЙ ЛЮБВИ	83
ДАЛЁКИЙ АНГЕЛ АНГЕЛИНА	84
ОТЪЕЗДНОЕ.....	85
ДВОЕ.....	87
ТЕАТРАЛЬНОЕ.....	88
ЧАС НЫНЧЕ ПСИХОВАННЫЙ.....	89
О ВАНЬКЕ И БАНЬКЕ	91
НЕТ ИНЫХ ПРИЧИН	92
СМОТРЮ В ОКНО	94
Я ТЕБЕ ГОВОРИЛА?	95

ПОЭЗИЮ МОЛЧАНИЕМ ПРОДЛИТЬ

ТЫ ЛЮБИЛ МЕНЯ.....	99
ПОСЛЕДНИЙ ВЕРНИСАЖ.....	100
БОГ БЕРЕГ ДАСТ.....	103
ДАЧНОЕ.....	104
АТЛАСНАЯ ТЕМА	106
А НАМ ИНОГО И НЕ ОБЕЩАЛИ	107
МОЛИТВА	108
ТИХО ТЛЕЛИ УГЛИ.....	109
У РЕКИ	110
И БЕЛОЕ ПЁРЫШКО	111
ХОЧУ КАЗУ.....	114
ЛЮБВИ ОБЯЗАНЫ РОЖДЕНИЕМ	118
Я БУДУ РАЗГОВАРИВАТЬ С ТОБОЙ	123
НОЧНАЯ ПРОГУЛКА	125
О ЧЕМ ПРОМОЛЧИШЬ	126
И МОЛИТСЯ ГОСПОДЬ	127
ЧАСЫ ЗА УСИКИ ВОЖУ	129
ПОЛОСА ПРИЛИВА	130

Книжная серия «Авангарнды»

Ольга ИЛЬНИЦКАЯ

СГУЩЕНИЕ ЖИЗНИ — МОЁ РЕМЕСЛО

Стихи

Редактор — Евгений Степанов
Компьютерная верстка — Ирина Ракитина
Корректор — Екатерина Пригорева

16+

Бумага офсетная
Гарнитура Myriad Pro
Тираж 300 экземпляров.
Сдано в набор 02.12.2019
Подписано в печать 10.12.2019

Издательство Евгения Степанова
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978-62-75

Книга издана при участии
ООО «Вест-Консалтинг»
115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, д. 7,
стр. 9, этаж 7, пом. XIV, ком. 12
Тел. (499) 152-28-04

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол,
Комсомольский проспект, 73.